

ПУБЛИКАЦИИ

Большие пожары
Роман 25 писателей219

Публикация Евгения ГОЛУБОВСКОГО

Большие пожары

Роман 25 писателей

Романист(ка) пишет роман. Это естественно. Ильф и Петров – два романиста в четыре руки написали два романа. В конце концов, и это возможно, ведь играют же пианисты в четыре руки. Но я знаю только один случай, когда бы роман написали 25 писателей. Очень разных, талантливых, веселых, бесноватых – они играли в сложную игру, которой нет названия и продолжали сюжет, начатый их коллегами. Так в 1927 году, в "Огоньке" появился роман "Большие пожары" (созвучный нашему времени), начатый Александром Грином, законченный редактором "Огонька" Михаилом Кольцовым.

Девять глав, девять новелл из этого романа мы предлагаем прочитать современнику и встретиться с совсем не знакомыми текстами И. Бабеля и Е. Зозули, В. Инбер и В. Каверина. Познать забытое.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Глава I. Странный вечер



А. Грин

Делопроизводитель губернского суда Варвий Мигунов, возвратясь со службы, прошел на кухню, чего никогда не делал, и остановился перед плитой, где старая Ефросинья, женщина мышинного типа, с острым носиком и бойко играющими лопатками узкой сутулой спины, прижав локти, размешивала соус с капорцами и красным перцем.

Сорок лет назад она готовила для Мигунова молочную кашу. Поэтому Мигунов несколько не удивился, услышав:

– Вам что здесь нужно, Варвий?

Это был голос занятого человека, с оттенком досады. Ефросинья даже не обернулась. Крылатку с кашошоном, зонтик, очки и яркие щеки Варвия она отлично видела в безукоризненном блеске медной кастрюльной выпуклости.

– Как устроено... а... – застенчиво сказал Мигунов, – устроено тут с плитой? Как она топится? Не выпадают ли на пол угли? Вот это я хотел посмотреть.

– Угли? – спросила старуха, с неодобрением игранув своими выразительными лопатками. – А что вам угли?

– Вы живете в своем мире, – кротко продолжал Мигунов. – Вы це-

ликом ушли в хозяйство, кухню и тому подобное. Я не осуждаю. Но я, пользуясь вашими хлопотами, имею свободное время, в течение которого читаю газеты. А читать газеты — значит жить общественной жизнью. Вот почему мне стало известно, что сегодня ночью произошло еще три пожара. Во-первых, сгорел только что отстроенный дом в три этажа, милая Ефросиния. Это — кое-что; во-вторых, истреблены огнем восемь товарных складов. И, в-третьих, — от театра "Спартак", на Лунном бульваре, остались дымящиеся развалины. Таково действие огня. Я мнителен, Ефросиния. Сознаю, это мой недостаток. И я зашел посмотреть — зашел мысленно представить, не выпадают ли из плиты угли, и, если выпадают, то не могут ли они произвести пожар. Вот все. Я совсем не хотел вмешиваться в ваши дела.

— Бывает, что угли и выпадают, — сказала, смирясь, старушка, — но как вы знаете, — здесь каменный пол. С этой стороны вам нечего бояться, Варвий.

— Я тоже думаю, — подхватил Мигунов, — и я очень вам благодарен, что пол... гм... каменный. Я хотел только взглянуть, на всякий случай, конечно, — так, ради... не знаю ради чего, — нет ли среди каменных плит пола какой-нибудь щели... гм... обнаженности, так сказать, деревянных частей...

Здесь незамужнее сердце Ефросинии перебило Мигунова со строгостью самого революционного закона, которому он служил:

— Вы удивительно неприличны сегодня, Варвий! Что вы хотите сказать этими словесными выкрутасами?

— Какими выкрутасами?

— Можно притворяться, что не понимаешь, но вам любой ответит, что слово, которое вы употребили в отношении деревянных частей, — слово неприличное, ужасно грубое слово.

— Я ошибся, — встрепенулся Мигунов. — Я хотел сказать: — не попадет ли уголь на дерево. Кроме того, — продолжал он, со страхом наблюдая усиленную деятельность лопаток, но решаясь уже выговорить все сразу. — Когда вы ходите со свечой в кладовую, не грозит ли опасность с этой стороны, в виде могущей вспыхнуть паутины, бумаги и подобных вещей, легко охватываемых огнем? Быть может, какой-нибудь предохранитель...

Неизвестно, что подумала при последнем слове старая кухонная фея, но она фыркнула. Мы не хотим сказать этим ничего плохого о ее нравственности. Она фыркнула от презрения к умственным способностям Варвия Мигунова.

— Так вы думаете, что это случайность? — спросила она, оборачива-

ясь к Мигунову с раскрасневшимся от огня, язвительно играющим лицом. Тут она заглянула в ложку, которой мешала соус, и вкусно облизала ее. — Я не читаю газет, но мне кошка на хвосте приносит. И ворона. Да-с! Они тоже живут "общ-ще-ст-т-венной жизнью". Златогорск горит две недели. В городе сгорело восемнадцать зданий. А вы твердите о какой-то неосторожности! — Ефросиния обвела взглядом кухню, точно следя, не летает ли где эта смехотворная неосторожность. — Я говорю, что не вижу неосторожности! Я вижу злодеяние. Упорное, систематическое злодеяние черных злодеев! Ваша обязанность, как судьи — схватить и казнить этих злодеев немедленно, иначе вы тоже преступник!

Хотя Мигунов был только делопроизводитель или, вернее, архивариус, Ефросиния не сомневалась, что служить в здании Златогорского суда значит быть судьей.

— Преступник?! — вскричал Варвий. — Повторите это еще раз, прошу вас! Но, — прибавил он поспешно, так как старуха из упорства могла повторить что угодно, сколько угодно раз, — известно ли вам?..

— Схватить и казнить, — перебила старушка, энергично поджывая губы. — Не давая пощады! Немедленно!

— ..известно ли вам? — сказал Мигунов, воровски вкладывая эти слова в перерыв дыхания Ефросинии, но его остановил, остановив также боевое движение острых лопаток Ефросинии, громкий, как град, звонок.

Колоколец, висевший у черной двери па лестницу, затрепетал с силой необычайной; Ефросиния открыла дверь, и в кухню вошел человек с портфелем, худой, в черной огромной кепке и обвисшем пальто, коричневым с синей клеткой. Он был рыж, веснушчат и нервен. В его движениях не было ничего положительного. Он не вошел, а как бы быстро вернулся боком, перевернувшись на месте, и стал без нужды рыться в карманах пальто, затем поздоровался, уронив кепку.

— Дождь, — быстро сказал он голосом сморкающегося, — проливной дождь. Добрый вечер, талантливая и суровая Ефросиния! Здравствуй, Варвий! Хотя я долго звонил с улицы и мог бы уже давно поздороваться с вами.

— Прости, Берлога, — сказал Варвий, беря от старого друга шляпу и портфель, — но я только что вернулся со службы и имел хозяйственный разговор. Ты кстати, так как сейчас подадут ужин.

— Я не хочу есть, — сказал Берлога. — Мы — газетная хроника — обедаем только в моменты добродетельного состояния общества. Убийство, растрата, хулиганство — мгновенно вырывают ложку из наших рук. Мы

не доели еще и одной тарелки со времени Каина! Теперь — эти пожары или, как будет правильнее назвать их, — поджоги. Варвий, дай материал...

— Он должен поужинать, — решительно вступилась Ефросиния, разрезая своим чепцом пространство меж Мигуновым и Берлогой. — Потрудитесь ужинать с нами.

— Варвий, — нетерпеливо продолжал Берлога, рассеянно взглянув на экономку и бессознательно отстраняя ее, — я скажу кратко, так как спешу. Старожилы сообщили нам в редакции, что двадцать лет назад, в, так сказать, мрачные времена царизма, Златогорск пережил подобную же серию пожаров, и поручили мне открыть это для трудящихся читателей. Статья должна стать одной ногой в прошлое, другой — в развалины театра "Спартак". Работать я буду ночью. Дай материал, — процесс, дело, документы. Ведь у тебя сохранились старые архивы здешнего суда?

— Хорошо, — начал с задумчивостью Мигунов, смотря в пар кипящего соуса, — но... Хотя я могу поехать с тобой сейчас. Однако, если ты имеешь час времени, мы могли бы поужинать. Это необходимо, и в этом доме никакое самое ужасное событие не вырвет у тебя ложку из рук.

— Нет! — с гневом подтвердила старуха. — Нет, пока я жива!

Берлога взглянул на часы.

— Хорошо, — сказал он, — скрепя сердце. Я устал. Правда, я хочу есть.

Съев очень немного и ежеминутно порываясь уйти, чем кровно оскорбил Ефросинию, смотревшую на него с жадной похвал, Берлога увлек, наконец, как ветер бумажку, пищеварительно настроенного Мигунова к выходу и нанял в виде редкого исключения извозчика. Отъехав несколько, извозчик направился было ближайшим путем, по Берлога вдруг сказал:

— Стой! Узнаешь ты прежний пустырь?

Хотя Мигунов следовал от дома к архиву и обратно единственным, раз навсегда определенным путем, почему город был ему знаком односторонне, но он счел нужным покачать головой.

— Да, совершенно не узнать пустыря, — сказал Мигунов, — строительство советское развивается.

— О, кроткое существо! — вскричал Берлога. — Знаешь ли ты, что такое эта машина?

Действительно, постройку можно было определить слогом "машина", Она напоминала белый застывший взрыв чудовищного снаряда, поднявшегося на воде взлет пены выше высоких мачт. Между тем, дома, прилегающие к этой постройке, были плоски, как кирпичи. Ночь мешала рассмот-

реть здание. Кое-где остались еще леса, но так мало, что, по-видимому, в доме со дня на день должна была зазвучать жизнь.

— Что это? — спросил Мигунов. — Не музей ли это? А, может быть, клуб?

— Просто чудовищный особняк, — ответил Берлога. — Коммунальному хозяйству были бы не по средствам такие причуды. Довольно сказать, что дом выстроен в два с половиной месяца. Вчера доставлены тысяча пятьсот ящиков с предметами обстановки, выписанной из Парижа и Лондона. Рабочих рук занято было две тысячи. Все, как видишь, почти окончено. За одни чертежи уплачено архитектору двести пятьдесят тысяч — он специально приехал в Златогорск. Внутри никого не пускают, но ходит слух, что недра дома достойны вздоха.

— Где же ты был, Мигунов?

— Ты знаешь, что я живу уединенно: не интересуюсь чужими делами.

— Уединенно! — сказал Берлога, давая знак извозчику ехать далее. — Это все равно что к твоему дому подъехал бы автомобиль, а ты не услышал бы его грохота. Еще более удивлю тебя. Дом строит частное лицо. Хозяин дома — некто Струк, поляк старик; ему восемьдесят пять лет. Он концессионер. Концессии в Закавказье, здесь, затем на Алтае и еще какой-то клочок за полярным кругом. Он приезжий и, как говорят, нищий.

— Нищий? Как это понять?

— Нищий, потому что он за границей мгновенно выиграл огромное состояние, начав с медяков. Но он был нищим. Следовательно, его богатство случайно, и его душа — душа нищего.

— У тебя был с ним разговор?

— Нет. Его история развернулась так быстро, что я среди других дел не имел еще возможности гоняться за Струком. Сегодня узнал я, что он приехал. Мне заказана беседа с ним для газеты "Красное Златогорье". Я советую тебе поехать со мной, посмотреть на это чудовище. Я выдам тебя хотя бы за фотографа. Кстати, ты увлекаешься фотографией. Ты же фотографируешь документы в твоём архиве. Восьмидесятипятилетний старик — в некотором роде архивная редкость.



— Что же, — сказал Мигунов, — раз я в твоей власти, вези, куда хочешь.

В это время мрачное здание архива суда показалось на набережной. Возле ворот маленькая дверь, ключ от которой делопроизводитель всегда носил при себе, вела и царство Мигунова, Приятели, отпустив извозчика, прошли по озаренному коридору в дальний конец здания, под низкий потолок, к пыльной неподвижности старых шкафов красного дерева, окутанной безлюдной тишиной, скрывающей от мира память его дел.

Мигунов остановился около конторки с реестрами и, взяв от Берлоги справку, принялся хлопать томами. Тень переворачиваемых листов металась по помещению. Репортер, сцепив на спине руки, бродил около шкафов, заглядывая в их бумажные толщи.

Вдруг увидел он желтую бабочку, приняв ее сначала за моль. Она порхала среди шкафов, иногда так приближаясь к Берлоге, что он сделал попытку ее схватить.

— Эй! — вскричал он. — Смотри, кто летает у тебя по архиву!

Мигунов обернулся в то время как бабочка начала кружиться около его лампы, и потому увидел ее не сразу.

— Бабочка?! — спросил он с недоумением.

— Ну да! Хватай ее. Вот она! Там! — Берлога бросился к лампе.

Теперь увидел насекомое и Мигунов. Бабочка была резкого желтого цвета, с синей каймой, и бархатиста, как те тропические создания, которые мы видим в музеях. Лениво трепеща крыльями, она казалась странным цветком, получившим таинственное движение.

— Никогда не видел таких! — кричал Берлога, хлопая шляпой по воздуху, в то время как Мигунов старался ударить насекомое папкой. Но бабочка прошла невредимо между их рук и, поднявшись выше, запорхала под потолком, куда еще раз швырнул шляпой восхищенный Берлога. Приятели побежали вокруг шкафов, заглянули в самые отдаленные углы архива, но более не увидели пламенной сальфиды: она исчезла. Села ли она и замерла где-нибудь наверху шкафа или забилась в щель — установить не удалось.

— Она вылетела! — сказал Мигунов. — Видишь, это окно открыто. Но зачем тебе бабочка? Пусть летит.

— Зачем? — повторил Берлога. — Не знаю; только мне смертельно хотелось ее поймать. Это было так красиво в твоём склепе. Нашел ты дело, о чем я просил?

— Здесь ничего не теряется, — ответил Мигунов с забавной сухостью

специалиста, самолюбие которого задето пустым вопросом. — Вот документы. Шкаф шестой, полка вторая, дело 1057. Но...

Он протянул ключ к шкафу и остановился.

— Что случилось, Мигунов?

— Берлога, странное чувство останавливает меня. Действительно ли нужны тебе эти бумаги?

— Однако?!..

— Мне кажется, что лучше бы их не трогать.

— Но почему?

— А черт меня знает, откровенно скажу тебе! Что-то останавливает меня.

— Соус, — возразил, смеясь, Берлога. — Большое количество соуса. Однообразное питание, и отсюда консерватизм. Архивная душа! Оставь свою мистику и подавай бумаги.

— Вот они, — Мигунов, перепластав часть слежавшихся кип, извлек рыжую по краям от ветхости синюю папку... — Спрячь, не потеряй... но... да, это чувство не оставляет меня. Мы кладем начало странному делу...

— Начало или конец — все равно мне, — сказал Берлога, — но знаешь, хорошо иногда сказать так, как сказал ты сейчас, — в неурочное время, в потаенном месте. Идем!

Берлога вложил папку в портфель; тем временем Мигунов запер шкаф. Сделав это, старик направился к раскрытому с решеткой окну и повернул скобу.

— Окно должно быть закрыто, — сказал он.

— Верно, — ответил Берлога. — Будь сам собой до конца. Порядок прежде всего.

— Если хочешь, я опять открою его, — обидчиво заметил Мигунов, — хотя мне кажется, что так лучше. Однако, идем.

Он потушил электричество, кроме лампы в коридоре. Пройдя коридор, он потушил и этот огонь. Затем тщательно запер входную дверь.

Приятели удалились. Архив погрузился в оцепенение. Некоторое время тишина и тьма стояли здесь в дружном объятии.

И вдруг огонь, озарив низы шкафов, стал сначала медленно, а потом все быстрее расплываться в кипах газет, начав дымить, как печная труба. Пламя, перелистывая бумагу, поползло вверх и забушевало ненасытным костром...

Рисунок художника С.П. Ладыгина

Глава II. Больная жемчужина



Л. Никулин

— Пожалуйста сюда, — сказал молодой человек в бархатных штанах и пропустил Берлогу вперед.

Английский замок, как пружинка мышеловки, щелкнул за спиною Берлоги. Молодой человек пошел к полированному желтого дерева бюро и отпер его ключом. Крышка откинулась с грохотом, похожим на выстрел пугача.

— Ну-с, — сказал молодой человек, указывая Берлоге на стул. — Вы курите?

— Прежде всего я должен... — начал Берлога.

— Прежде всего, — ласково прервал его молодой человек, — вы должны отвечать только на вопросы.

Серые глаза молодого человека прищурились и как бы закрылись. Загорелое лицо и широкие плечи показались Берлоге бесстрастным бронзовым бюстом, поднимающимся из-за бюро.

— Имя, фамилия, возраст и происхождение?

Точные вопросы требовали точных ответов, и Берлога, как мог, подробно ответил.

— Ваше мнение о гражданине Мигунове.

— Превосходное мнение, — сказал Берлога, — такое же, как у всех, близко знающих Варвия. Учреждение, например, почитает в нем исключительного специалиста, единственного в Златогорске ученого архивариса. Разве не он разобрал, классифицировал и привел в порядок хаос уголовных дел, оставшихся от старого режима?

— Все это известно, — сказал сероглазый молодой человек, — и, однако...

— Пожар — стихийное бедствие! Надо знать, с каким ужасом Варвий относился к огню, особенно после этой эпидемии пожаров или, вернее, поджогов.

— В день пожара вы находились с ним вместе в архиве?

— Точнее, это был не день, а вечер.

— И вы не заметили ничего такого?

— Абсолютно ничего. Впрочем...

Желтая бархатистая бабочка, с резкой синей каймой, бабочка, похожая на странный тропический цветок, затрепетала перед глазами Берлоги. Но вот, не говорить же об этом пустяке следователю.

— Впрочем?.. — повторил тоном Берлоги следователь.

— Ну, скажем, бабочка.

— Бабочка? — небрежно переспросил следователь.

— Бабочка довольно странного вида.

— Моль?

— Что вы!.. — и Берлога показал приблизительную величину бабочки.

Следователь пожал плечами, поднял глаза к потолку и записал.

— Что вы имеете добавить?.

Берлога посмотрел на часы.

— Позвольте заметить, — сказал он, — во-первых, я намерен сегодня посетить моего несчастного друга в лечебнице для душевнобольных, во-вторых, у меня имеется ответственное поручение от редакции, так что я бы просил...

— Распишитесь.

И Берлога подписал показания.

Вертя в руках маленькую розовую бумажку, он шел по длинным, полутемным коридорам уголовного розыска. В темных коридорах слабо светящиеся электрические лампочки казались пунктиром из светлых точек, намечавшихся далеко впереди. В воротах Берлога отдал розовую бумажку-пропуск часовому. Но уже в переулке под неожиданно жарким сентябрьским солнцем, он повернулся на каблуках, щелкнул языком и схватился за голову.

— А дело?.. Дело № 1057! Шкаф № 6, полка 2! Об этом я и забыл сказать...

И он побежал назад к воротам.

— Взять пропуск в комендатуре, — коротко сказал часовый.

Берлога посмотрел на часы. Без 25 два. В два часа конец приема в лечебнице.

— Ладно, — сказал он вслух, — успеется завтра, — и бросился по переулку.

Громыающий трамвай в восемнадцать минут домчал его до зеленых палисадников больницы. Пока его пропустили к больному, прошло еще две минуты. Таким образом, до конца приема посетителей оставалось пять минут.

Солнце отражалось во всех четырех стенах выкрашенной масляной краской комнаты. Прямо перед собой, почти в дверях, Берлога увидел согнутую узкую спину и острые виляющие лопатки Ефросинии. Острые лопатки колебались, вздрагивали и сотрясали худую спину. Носовые хрипящие звуки и всхлипывания дали понять Берлоге, что Ефросиния плачет.

В голубовато-серых мешковатых штанах и такой же куртке сидел на

полу Варвий Мигунов. Яркие щечки подернулись восковой желтой бледностью. Очки Варвия Мигунова сползли на кончик носа, и белый пух клочками прорастал на щеках и подбородке.

— Вот, — всхлипнула Ефросиния, — вот...

Варвий Мигунов сидел на полу. Гора мелко нарезанной газетной бумаги выростала перед ним. Маленькими тупыми ножницами он вырезал похожие на елочные украшения спирали из газетной бумаги.

— Варвий, — скорбно произнес Берлога. — Бедный Варвий!

Шуршала бумага и скрипели ножницы, и росла гора мелко нарезанной газетной бумаги.

— Два часа! — бодро выкликнул звонкий голос за спиной у Берлоги. — Граждане, будьте любезны!

Доктор и ассистентка в белых халатах стояли в дверях комнаты.

— Доктор, — грустно спросил Берлога, — в чем же дело? — и он сделал жест в сторону Варвия.

— Шок! — весело сказал доктор. — Сильнейшее потрясение, как результат стихийного бедствия. Интереснейший случай. Комбинация из мании преследования и навязчивых идей. Я в восторге.

— Прощай, Варвий! — печально вымолвил Берлога.

— Прощай, Варвий! — как эхо вздохнула Ефросиния.

Варвий не поднял глаз. Маленькими скрипящими ножницами он вырезывал из половины газетного листа огромную острокрылую бабочку.

* * *

Чудовищный, нелепый гребень белого особняка поднимался над одинаковыми крышами одинаковых домов переулка. Берлога потратил несколько минут на то, чтобы отыскать что-либо похожее на калитку. Он находился в совершенном недоумении до тех пор, пока не услышал неизвестно откуда исходивший неопределенно-глуховатый голос:

— Что вам угодно?

Берлога дважды повернулся на каблуках. Ни души за оградой особняка, ни души поблизости в переулке.

— Не валяйте дурака! — произнес тот же голос из трубки, похожей на телефонную, привешенную к ограде: — Отвечайте, что вам угодно?

— Мне назначен в половине третьего прием у Струка, я из "Красного Златогорья".

Металлические стебли ограды зашевелились и раздвинулись. Открылось нечто вроде прохода — аллеи, ведущей прямо к дому. Двери автома-

тически открывались перед Берлогой. Высоко вверх уходила металлическая, сияющая медью лестница. Затем он очутился в круглом, пахнущем свежей краской зале. Зал был не более трех сажен в поперечнике, и в центре зала пенился, шипел и прихотливо играл струями маленький фонтан.

— Пожалуйте сюда, — опять произнес глуховатый голос.

Ореховые двери, стоявшие до сих пор без всяких признаков ручек, раздвинулись и открыли вход. Далее был стеклянный зал, напоминающий ателье кинематографической фабрики. Стены и потолок зала были стеклянные. Большие стеклянные ящики стояли в два ряда в центре зала, образуя проход. Эти ящики были как бы витринами необыкновенного музея и, вместе с тем, походили на отдельные маленькие оранжереи, разбитые под огромными стеклянными колпаками. Здесь росли разнообразные, разноцветные, разнолистые цветы и растения. Громоздились широколистые папоротники, переплетались ползучие стебли, взметались вверх колючие остролистые пальмы, зеленые шапки японских карликовых деревьев теснились за стеклом витрин, и всеми цветами радуги переливались невиданные тропические цветы.

— Что вам угодно? — спросил звонкий, совершенно непохожий на первый, голос.

Берлога обернулся. В нише окна, против света, стояла женщина. Короткое, до колен, платье можно было без риска назвать рубашкой или туникой. Очень стройные ноги, открытые до колен, достаточно отчетливо рисовались на матовом стекле. За стеклом было солнце. Женщина рисовалась силуэтом на стекле. Но когда она спрыгнула с подоконника и пошла навстречу Берлоге, он уронил на пол сначала кепи, потом блокнот, потом свою гордость — американское самопишущее перо.

Волосы молодой женщины были рыжие или, вернее, золотые. Особенно хороши были губы, изогнутые, как лук, и тонкие, явно подрисованные брови и глаза, расширенные, сияющие и вместе с тем насмешливые глаза.

На ней было подчеркнуто простое платье, но цвет платья менялся вместе с ее движениями и играл всеми цветами спектра.

— Фокус, — подумал Берлога, потупил глаза и увидел отсвечивающие туфли из металла, и с грохотом опять уронил все, что держал в руках: кепи, блокнот и американское перо.

— Что вам угодно? — опять повторила она. — Однако, вы заставили себя ждать, господин журналист.

Она говорила по-русски с легким, еле слышным, приятным Берлоге польским акцентом.

— Виноват, — сказал, приходя в себя, Берлога, — у нас выражаются "гражданин", а не "господин".

— Мы здесь три дня, — мелодическим и насмешливым голосом продолжала она и жестом велела ему следовать за собой.

— В Европе и Америке нас атаковали на вокзалах, на пристанях, на аэродромах репортеры. Вы же здесь, в Златогорске, удосужились появиться на третий день.

— У нас были более важные темы, — сухо ответил Берлога. — Открытие колонии для беспризорных, изобретение монтера Фокина, семидесятилетний юбилей прима-балерины.

Она шла впереди, и Берлога опять утратил самообладание. Теперь это происходило от близости прекрасной, соблазнительной линии плеч, шеи и затылка.

— Я желал бы видеть гражданина Струка, — грубовато сказал он, стараясь прийти в себя.

Они находились в гостиной. Ничего замечательного не было в обстановке этой комнаты, похожей на салон первой-классной гостиницы. Молодая женщина села на диван, Берлога сел против нее в кресло. Теперь он ее видел совсем близко и рассмотрел то, чего сначала не замечал, — на шее женщины была нитка жемчужин. Их нельзя было назвать жемчужинами, слишком велика была каждая из них.

— Стоит ли вам говорить с больным старикашкой! — сказала женщина. — Я его внучка — Элита Струк. Все, что нужно, вы узнаете от меня, — и, оттянув пальцем нитку жемчуга, она вдруг сказала: — Вас интересует ожерелье? Это жемчуг герцогини Беррийской. Ему много лет. Посмотрите.

Она наклонилась к Берлоге, и Берлога увидел чуть не вплотную шею и плечи. Легкий пот выступил у него на висках, и рыжие волосы зашевелились на голове.

— Бедный жемчуг, — сказала Элита Струк. — Бедный, больной жемчуг. Здесь тридцать две единственных в мире розовых жемчужины. Одна из них больна. Вы видите свинцовое пятнышко. Жемчуг болеет. Я ношу его для того, чтобы вылечить жемчужину. Моя кожа хорошо действует на нее. Впрочем, если бы найти подходящую кожу, пожалуй, можно бы совсем вылечить жемчужину.

— Послушайте, сударыня, — свирепо сказал Берлога. — Редакция "Красного Златогорья" интересуется не вашим больным, черт бы его драл, жемчугом, а концессиями Струка.

Она покраснела и отодвинулась. Краска бросилась ей в лицо, и брови сдвинулись, образуя одну прямую линию. И вдруг она рассмеялась.

— Хорошо. Кстати, о концессиях.

Как настоящий делец, с подробностями и цифрами, достойными специалиста и знатока, она рассказала Берлоге о концессиях. Репортер еле успевал записывать. Он оживился и повеселел.

Берлога уходил. Она проводила его до стеклянного зала. Любопытство и непонятная Берлоге усмешка были в ее глазах.

— Погодите, — вдруг оказала она. И, отодвинув раму первой справа стеклянной витрины, сорвала желто-синий цветок.

— Если хотите, возьмите себе этот цветок... Или нет...

Маленькие белые руки с гранеными ноготками воткнули цветок в петлицу Берлоги.

— До свиданья!

На улице Берлога снял кепи и долго ерошил волосы. Сквозь запах улицы, сквозь дым асфальтовых котлов и бензин редких автомобилей он чувствовал острый и слегка дурманящий запах желто-синего цветка. И, почесав указательным пальцем бровь, Берлога задумчиво произнес:

— Оказывается, некоторые женщины представляют некоторый интерес.

Вечером, прямо из редакции, Берлога отправился домой. Он жил в общежитии сотрудников "Красного Златогорья" и сотрудников треста "Госстекло" — бывшей гостинице "Сан-Себастьяно".

В узенькой двенадцатиаршинной комнатке помещались стол и кровать, стул и умывальник. Берлога снял пиджак и повесил его на стену. Слабый сладковатый запах чуть прорывался через ароматы общежития, где вечно в коридорах и на кухне что-нибудь жирно шипело на восьми примусах.

— Да! — воскликнул Берлога, — а дело, а пожар? — За работу, товарищ Берлога!

Он повернулся к столу и вскрикнул.

Дела в синей обложке, дела № 1057, не было на столе.

— Глаша! — завопил на весь коридор Берлога.

— Чево! — неторопливо ответил из-за перегородки в коридоре голос.

— Вы убрали здесь?.. На столе дело в синей обложке.

— Чудак-человек, — сказала Глаша, — да вы ж сами за ним присылали из редакции.

— Я?!

— Вы! Вот и ваша записка.

Широкая, сильная женская рука просовывает Берлоге в щель двери записку.

Берлога держит в руках листик из блокнота. Бланк газеты "Красного Златогорья". Чей-то чужой, но уверенный, размашистый почерк:

"Даша, подателю сего дайте дело в синей обложке. С тов. приветом Берлога".

— Кто принес?

— Так, один... Штаны очень рваные, и из себя так шатен, а, может, брюнет... За всеми не углядишь.

— Черт!.. — вдруг завопил Берлога, накинул на плечи рыжее в синюю клетку пальто и выбежал на улицу.

На улице он остановился у трамвайной остановки. Трамвай заставил себя ждать. Десять или двенадцать человек стали в хвост позади Берлоги.

— Гляди, гляди! — вдруг закричали в хвосте.

Берлога обернулся.

Пламя желтыми острыми дымящими языками било из окон общежития сотрудников "Красного Златогорья" и треста "Госстекло". Резал темноту детский плач и встревоженный вой собаки.

Содержание глав I-VIII

В городе Златогорске приезжий концессионер-иностранец Струк воздвигает странный огромный особняк. Но городу не до того. В Златогорске — эпидемия пожаров, может быть, поджогов. Делопроизводитель Варвий Мигунов и репортер Берлога отыскивают в архиве губсуда старое дело № 1057 о таких же событиях, происходивших в Златогорске двадцать лет назад. В ту же ночь сгорает и здание суда. После пожара Мигунов, как потерявший рассудок, помещен в психиатрическую больницу. Уголовник Петька-Козырь похищает по заданию неизвестных лиц дело № 1057. К бездомному Берлоге на улице присоединяется полусумасшедший нэпач Иван Кулаков, младший владелец купеческой фирмы "Братья Кулаковы". Берлогу заманивают в психиатрическую больницу, где преступно лишают свободы и переводят на положение душевнобольного. После митинга на заводе комсомолец Ванька Фомичев, старый рабочий Клим и лихой заводский парень Андрей Варнавин решают сообща взяться за поиски поджигателей. Варнавин отправляется к уголовникам и после очередного пожара попадает вместе с Петькой-Козырем в тюрьму по обвинению в поджоге. В город приезжает некто, называющий себя инженером Куковеровым и останавливается в гостинице "Бельвю". К нему привозят Берлогу из психиатрической клиники. Куковеров обещает освободить Берлогу и сделать его своим помощником в деле розыска поджигателей.

Глава IX. На биржу труда!



И. Бабель

Куковеров приехал в Златогорск двадцать второго августа. Двадцать пятого, в восемь часов вечера, он стучался у ограды особняка Струка. Ограда эта, как известно, напоминала сплетение лиан в тропическом лесу или сцепившихся хвостами окаменевших загипнотизированных змей. При ближайшем рассмотрении она оказалась решеткой из деревянных прутьев, окрашенных серебристой краской. Куковеров со страхом ждал мгновения, когда стебли ограды — лианы и змеи — зашевелятся и раздвинутся. После этого, т. е. после того, как загипнотизированные змеи раздвинутся, в ограде должен, как известно, образоваться проход или, вернее, аллея, заканчивающаяся автоматической дверью без всяких дверных ручек, но из орехового дерева. Дверь эта в свою очередь заканчивалась в пылком представлении Берлоги ущельем, облицованным никому не известным синим камнем с красными прожилками. Но вместо облицованного ущелья перед Куковеровым вырос затейливо расчесанный парень в бумазейной рубашке навыпуск и в больших, скрипучих, казенного образца сапогах. На протянутой руке парня болтался, как на штанге, пиджак. В другой руке он держал пузырек с бензином. Парень, очевидно, выводил бензином пятна на пиджаке. В этом не могло быть никакого сомнения.

— Что надо? — сказал парень.

— Гражданин, — торжественно произнес Куковеров, — сегодня в 6 ч.

9 минут я отправил мистеру Струку телеграммолнию. В этой молнии содержался вопрос — может ли мистер Струк принять меня в восемь часов?

— Они, кажись, в кухмистерскую выходили, — сказал парень, плюнул на пиджак и затер плевком тряпочкой, смоченной в бензине, — а, может, и дома... Заскочите на лестницу, повернетесь вправо, потом возьметесь прямо, все прямо...

Дверь открылась, и Куковеров вступил в вестибюль. Здесь, как известно, высоко вверх уходила металлическая, сияющая медью, лестница.

— Голубчик, да ведь она сама едет... — сказал инженер со страхом.

Но парень вместо ответа с жадностью посмотрел на папиросу, которую закурил Куковеров.

— А не накажу ли я вас на одну папиросочку, гражданин, — пробормотал он, и, получив папиросу, пустил дым изо рта, из ноздрей и вроде как бы из глаз...

— Еще третьего дня ездил, — сказал он, увенчиваясь дымом где-то возле ушей, — да вчера сдохла... Полотер в нее упал, она и прикончилась... Теперь не ездит, да и хозяин приказывал, чтобы стояла. Пускай, говорит, самосильно стоит, я теперь, говорит, жене полотера обязан соцстрах платить, и союз меня по судам затаскает, я, говорит, в свои года взошел, мне обидно полотерке платить, меня, говорит, таким манером из денег враз вытрясут...

Парень оказался отменным словоохотливым курильщиком. Куковеров едва спасся от него, взбежал по лестнице, неутомимо сиявшей медными частями, пробежал коридор, уставленный разбитыми кадками из-под субтропических растений, и влетел в круглый зал, имевший, как известно, три сажени в поперечнике. Это был тот самый зал, в центре которого пеннелся некогда и прихотливо играл струями маленький фонтан. На этот раз он был безмолвен, не хуже любого фонтана, пережившего гражданскую войну. Неподалеку за ломберным столиком сидела морщинистая старуха в пышном бархатном облачении. Морщины ее были запудрены лиловой пудрой, а волосы выкрашены фиолетовой краской.

— Могу ли я, сударыня, — с достоинством начал Куковеров, но старуха прервала его и с улыбкой, полной величия и покоя, протянула ему анкету, написанную по-французски.



...затейливо
расчесанный парень в
бумажной рубашке
навыпуск...

— Сначала заполните анкету, — сказала она тоже по-французски, — цель прихода, подписку о неимении фотографического аппарата и о неразглашении тайны...

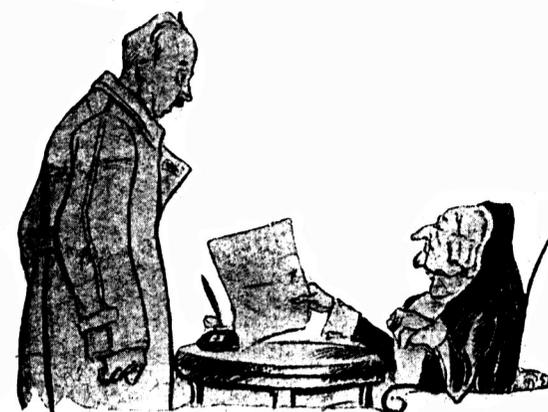
— Ко всем свиньям, — раздался тогда за спиной Куковерова мелкий неразборчивый обиженный тенорок, — вы опять крутите людям голову с этими анкетами?..

Инженер обернулся. Перед ним стоял бритый старик в хорошем костюме, с рыхлым животом и большим носом.

— Меня здесь черти хватают, — закричал старик с укоризной, собрал рот в горькие детские складки и едва не заплакал, — а вы торчите с Доннером целый месяц в Москве... Меня здесь черти хватают, — прокричал старик и опять едва не заплакал.

— Мистер Доннер задержался, — сказал озадаченный Куковеров и поклонился, — он все хлопочет в Главконцесскоме.

— Главконцесском, Главконцесском... — пробормотал Струк, прослезился и погрозил вдруг кулаком фиолетовой старухе, — ко всем свиньям, княгиня, — прохрипел он плачущим своим тенором, — вы мне жизнь сократили, — и побежал в свою комнату. Он сменял большими старыми своими ногами, и живот его вяло раскачивался на ходу, как флаг в безветренный день.



...Старуха протянула ему анкету, написанную по-французски...

Три часа длилась беседа Куковерова с миллионером. Через три часа он вышел из кабинета — секретарем мистера Струка. Дело в том, что инженер привез с собою рекомендацию от Доннера, председателя русско-американской торговой палаты. За эти три часа Куковеров узнал, что Струк происходит из мещан г. Белостока, Гродненской губ., состояние свое нажил в Америке на военных поставках и получил в концессию пока только

пуговичную фабрику в Москве. Что же касается Алтая, то он ничего об Алтае не знает и интересуется исключительно тракторным заводом в средней полосе Союза. Тракторы — это вам не пуговицы! Смеется советская власть над людьми или не смеется? Пуговицы — это вам не тракторы! Еще узнал Куковеров, что Бахметьев, бывший царский посол в Америке, составил несчастье жизни мистера Струка. Старик имел неосторожность перед отъездом в СССР рассказать Бахметьеву о своих планах. Бывший посол посоветовал ему взять в управляющие бывшего барона Менгдена, в секретарши — бывшую княгиню Абамелек-Лазареву и в архитекторы — бывшего военного инженера генерала Духовского. И вот, бывший военный инженер, который, оказывается, был безработным с октября 1917 года по май 1925 г. и за это время не видел в глаза монеты крупнее десяти рублей, получив на постройку двести пятьдесят тысяч рублей, быстро выстроил на эти деньги фонтан с загнипнотизированными змеями и самодвижущуюся лестницу, — что "меня черти хватают, когда я вижу этот особняк, я поседел от него"... Бывшая же княгиня Абамелек-Лазарева, почувствовав себя обладательницей ломберного столика и телефона, немедленно облачилась в старинный бархат, выкрасилась в лиловый и фиолетовый цвета и заказала анкеты на французском языке. Что же касается управителя, бывшего барона, то он с возложенными на него поручениями справился следующим образом: в качестве "личной секретарши" он привел к Струку из киностудии Дину Каменецкую. Девица эта, получив на первое обзаведение 25 червонцев, прозвала себя Элитой, купила туфли металлического цвета и шоферский костюм, вытравила себе персидской какой-то мазью волосы на всем теле, за исключением головы, объявила себя невинной и стала убеждать старика в том, что ему следует терзаться высшим сладострастием — сладострастием неуголения... "В мои годы,



...объявила себя невинной и стала убеждать старика в том, что ему следует терзаться высшим сладострастием...

...объявила себя невинной и стала убеждать старика в том, что ему следует терзаться высшим сладострастием — сладострастием неуголения... "В мои годы,

в мои больные годы!" Внезапно Дина уехала в Армавир сниматься в драме-утопии, действие которой происходит в 2000 году в стране чудовищно индустриализованной. Таков был первый шаг бывшего барона, второй же его шаг был связан с пустяковой одной историей о пустяковой одной бумажке... В Америке такая бумажка стоит 25 рублей — и концы в воду, но бывший барон... — о, горе, о, горе!..

И поэтому, "my dear Куковеров, наймите мне людей на Бирже труда, людей, которые, начиная с октября 1917 г., ни одной минуты не были безработными, ни одной минуты"...

—
Восемь да три будет одиннадцать. Это скучно, конечно, что не двенадцать, но и число одиннадцать удовлетворяет совершенно. Поэтому ровно в одиннадцать Куковеров распрощался со Струком и быстро зашагал по направлению к гостинице. По дороге он вознамерился купить себе персики в фруктовой лавке, потому что Златогорск, как известно, в осенние благодатные дни бывает полон густого тепла и персикового дыхания, фруктовые же его лавки завешаны всегда виноградом и дышат диким волнующим запахом овощей. Но, увы, в фруктовой лавке ничего, кроме сушеного чернослива, не оказалось. Ничего, ровно ничего.

Рисунки Бор. Ефимова

Содержание глав I-XVI

В городе Златогорске приезжий concessioner-иностранец Струк воздвигает странный огромный особняк. Но городу не до того. В Златогорске — эпидемия пожаров, может быть, поджогов. Делопроизводитель Варвий Мигунов и репортер Берлоге отыскивают в архиве губсуда старое дело № 1057 о таких же событиях, происходивших в Златогорске двадцать лет назад. После пожара в здании суда Мигунов, как потерявший рассудок, помещен в психиатрическую больницу. Уголовник Петька-Козырь похищает по заданию неизвестных лиц дело № 1057. Берлогу заманивают в психиатрическую больницу, где преступно лишают свободы и переводят на положение душевнобольного. После митинга на заводе комсомолец Ванька Фомичев, старый рабочий Клим и лихой заводской парень Андрей Варнавин решают сообща взяться за поиски поджигателей. Варнавин отправляется к уголовникам и после очередного пожара попадает вместе с Петькой-Козырем в тюрьму, по обвинению в поджоге. В город приезжает некто, называющий себя инженером Кукуверовым, и останавливается в гостинице "Белью". Далее Кукуверов устраивается секретарем мистера Струка. Последний окружен в своем особняке бывшими "сиятельными" людьми царской России. При нем же авантюристка Дина Каменецкая, именующая себя "Элитой Струк". Появляется двойник Кукуверова и в автомобиле похищает Берлогу из больницы. Подруга Петьки-Козыря, проститутка Ленка-Вздох, приносит в порт странный пакет, от которого в порту начинается страшный пожар. Пораженная этим несчастьем, Ленка приходит с повинной в уголовный розыск. По ее указанию начальник милиции Корт производит обыск в квартире некоего учителя Горбачева и арестовывает его. В загородном доме Берлоге удается убить двойника Кукуверова и бежать. В своем двойнике, убитом Берлогой, Кукуверов узнает швейцара из Струковского особняка. Элита Струк арестована. Сарочка Мебель, дочь владельца трех лавок, безуспешно заигрывает с комсомольцем Фомичевым.

Глава XVII. Бабочки



Алексей Толстой

Боже ты мой, чего только не наворотили шестнадцать авторов! У читателя голова кругом идет. "Сбились! — думает он, — завязли, засыпались, сами уж не знают, как распутать сумасшедшую историю с пожарами, бабочками, переодеваниями, двойниками, убийствами, прыжками в окно..." и так далее.

Например: при чем в этой истории Пантелеймон Иванович Куликов? Или — кто такой на самом деле Струк? Для каких адских замыслов привлечена к делу несчастная актриса Дина Каменецкая, она же Элита, она же...? Много, очень много неясного. Что знает паралитик Иван Иванович Кулаков, попавший за свое знание в сумасшедший дом? Какие его отношения были к погибшей Ленке-Вздох? О чем совещались за коньячком Пантелеймон Кулаков и Струк? О чем говорили они с Ленкой?

Кто такой Кукуверов (настоящий), выдвинувшийся как будто на первый план в романе? Или что это за таинственная неуловимая личность (в прорезиненном пальто) со рваным ухом и зверским подбородком? Уж не в нем ли главный центр романа? Не он ли говорил с Элитой Струк по телефону из редакции "Красного Златогорья"? Не он ли, намяв бока Бер-

логе и лишив его самого дорогого на свете — самопишущего пера, — засадил его посредством какой-то еще не вскрытой интриги в сумасшедший дом к Ивану Кулакову и несчастному Варвию?

А самое главное, — бабочки? Пожары? Цель их?..

Фу, ты, черт! Тысячи неразрешенных вопросов. Иного читателя возмет сомнение (и ничего с ним не поделаешь)... "Постойте, голубчики (то есть, авторы романа), уж не дурачите ли вы попросту друг друга и меня в том числе?.."

Нет, читатель, успокойся и отложи сомнения. Верь, — ни одна мелочь в этом романе не сказана зря или брошена и не поднята. Все будет приведено в порядок, все события и лица разовьются в великолепную закономерность. Все тайны будут разрешены, узлы развязаны.

— Вот, тов. Мишин, телеграмма, — сказал Кукуверов, подавая начальнику ЗУРа шифр, — в Москве чрезвычайно серьезно смотрят на златогорские пожары. Поворот к этому делу произошел недавно — причиной была одна заметочка в нью-йоркской газете.

— Что именно?

— Покуда я принужден молчать. Так вот, следствие по этому делу поручено мне, и вы и весь следственный аппарат передаетесь в мое распоряжение.

Собрав складки лба, Мишин прочел шифр. Холодные глаза его скользнули на секунду по лицу Кукуверова. Он коротко кивнул головой:

— Хорошо. Ваши распоряжения?

Кукуверов вынул блокнот:

— Приняты меры к розысканию Петьки-Козыря и Андрея Варнавина?

— Приняты. Их ищут на Стругалевке. Посланы телеграммы на все железнодорожные узлы.

— Был обыск в трактире "Венеция"?

— Был. Обыскана сверху до низу комната, которую занимала Ленка-Вздох. Есть данные, что за час до обыска туда проник кто-то через подполье, отодрав половицу. Ни белья, ни дела № 1057 не обнаружено.

— Слежка за домом Пантелеймона Кулакова продолжается, я надеюсь?

— Да. Ничего нового. В вечер, когда была подожжена баржа, Кулаков скрылся. Домашние его, видимо, не посвящены в дело. Передачи между ними и Кулаковым нет. Мы допросили цыган из табора, где, по нашим сведениям, кутил Кулаков, допрошены официанты в ресторанах и заго-

родных садах. Обнаружилось, что никаких кутежей у Кулакова не было. Правда, он занимал кабинеты, спрашивал вино, иногда звал хор... Но все это были ширмы. Кутежей не было. Под видом гостей приходили люди, с которыми он совещался.

— Очень ценные данные, — сказал Куковеров задумчиво, — очень ценные. Я так и предполагал, что кутежей не было. Был страх, вечный страх у этого человека, доходящий до паники. Хорошо. Что Варвий Мигунов?

— Выпущен из больницы под домашнее наблюдение. Все попытки пробудить в нем память ни к чему не привели.

— Иван Кулаков?

— Безнадежен. Он содержался в отдельной палате, и, видимо, по ночам с ним что-то делали. Служители рассказывают, что каждый раз под утро на него приходилось надевать смирительную рубашку, — так он кричал и бился. Его мозг совершенно помрачен. Когда мы допрашивали больничного персонал, выяснилось, что кроме старшего врача, сообщника поджигателей, была еще приходящая сестра. Она три раза в неделю оставалась на ночь с Кулаковым. В день убийства врача она скрылась.

— Старуха, с большим носом?

— О носе сведений нет, — Мишин улыбнулся, — но старая, 63 года, Марья Митрофановна Брыкина по документам.

— Превосходно, превосходно, — Куковеров шибко потер руки, — Брыкина, она же...

Мишин, как кот на мышь, уставился на Куковерова, готовый проглотить это "она же". Но Куковеров захлопнул блокнот, куда записывал сведения. Закурил. Взял телефонную трубку. Жуя папироску, нетерпеливо сморщился:

— Пожалуйста (номер). Благодарю... Княгиня? Это я, Куковеров. Прошу извиниться за меня перед Струком, — я опоздаю на час. По его же делу. Кстати, передайте, что, вышла неприятность. Мне сообщили в "Бельвию", что внезапно арестована мисс Элита... Что? Барышня, нас разъединили...

Усмехаясь, он положил трубку. Встал.

— Еду в Допр к мисс Элите. Попробуем поговорить. Но я начинаю опасаться, что поторопился с ее арестом. Этого именно им было и нужно, чтобы Элита раскалась и наивно откровенничала со следователем.

В высокое окошечко тюремной камеры бил солнечный луч. Элита, лежа на койке, на животе, подперев кулачками щеки, глядела на луч, где плясали пылинки.

Когда загремел дверной засов и в камеру вошел Куковеров, приятно улыбаясь, Элита не пошевелилась, покосилась. Он сел на табурет и тоже принялся разглядывать пылинки. После долгого молчания Элита спросила настороженно:

— Ну?

— Мисс Элита, я пришел за двумя-тремя сведениями, чисто техническими... Вы не откажетесь... Хотя...

Элита сказала:

— Вы подозреваете меня черт знает в чем, я знаю. Я Берлоге, чудному моему Берлоге, сказала и вам повторяю: конечно, виновата, не скрываю... Сама в руки далась... Втянули в какую-то кошмарную историю... Обещали миллионы, удочерили... И всякая на моем бы месте на это пошла: старому черту жить недолго. Конечно, я не дура, понимаю, — хорош отец, сладострастник слюнявый... Ну, тем лучше, скорее ноги протянет... И вот, пожалуйста, тюрьма... Не забывайте, все-таки, я — американская подданная... Чем я, в самом деле, виновата... что я о многом догадывалась...

Элита чуточку перевела дыхание, словно ожидая, что Куковеров сейчас же подхватит: "А о чем, мол, вы догадывались?". Но он продолжал глядеть на пылинки в луче. Тогда она сердито вытащила откуда-то из-под себя носовой платок, притампонила им хорошенький носик.

— Зарезать меня хотели, как овцу, — не удалось. Я знаю, у меня здесь один есть друг... душечка моя, Берлога, — она хныкнула и опять покосилась. — А махинации старого черта очень просто открываются. Он хочет взять в Москве концессию на постройку небоскребов — первым делом в Златогорске... И к нему обратилась шайка — Петька-Козырь, Ленка-Вздых, ну, словом, компания из Стругалевки. И они стали грозиться, что сожгут его особняк, потому что они отчаянные хулиганы... И он дал им денег, чтобы они не жгли. А они так поняли, что можно кругом все жечь и грабить, и за это их наградят...

"Ох, ловка девчонка, — думал Куковеров, и сердце его прыгало от радости, — притворяется душой, и как осторожно топит Струка, красота!.. Ну-ка, теперь — вопросик"...

— Мисс Струк, а все же не могу поверить, чтобы мистер Струк сознательно поддерживал эту шайку... Такой почтенный господин...

— А что вы думали, — конечно, мошенник, но на редкость осторожный...

"Топит, топит, значит, старик, видимо, не виновен", — отмечал Куковеров.

— Скажите, мисс Струк, насколько известно, американские предприятия мистера Струка ликвидированы, превращены в капитал и находятся в одном из американских банков. В Россию переведена сравнительно небольшая наличность? (Элита посмотрела на него темными глазами, не отвела, пожала плечом...) Скажем проще: вам желательно как можно скорее вступить в наследство капиталом приемного отца?..

— Да... (настороженно, затем простодушно). А что вы думали, я какая-нибудь идеалистка?..

— Скажите, мисс, — когда у вас в особняке был Берлога, вы, кажется, воткнули ему в петлицу лиловый цветок с очень сильным запахом. Был такой факт?

— Не помню... Мало ли я кому дарю цветы...

— Не вспомните название этого цветка? Не была ли это тропическая орхидея, так называемая "Ночная смерть", не знаю, как по-латыни... Не удивляйтесь, что я спрашиваю. Я сам большой любитель...

— Слушайте, — сказала Элита, — что вы дурака валяете!.. Ведь все равно — ничего не скажу. Ни на одном вопросе меня не собьете.

— Если бы даже, — Куковеров встал и сейчас же раскаялся: слишком дешевый прием, — если бы даже я спросил вас о гражданине со рваным ухом...

Но это само вылетело. И, разумеется, Элита, не задерживаясь, легко, как по маслу, ответила:

— У меня у самой резаная спина, очень меня интересуют ваши рваные уши...

—

Когда внутри человека работает мотор в сто двадцать лошадиных сил, — трудно сидеть в продолжение двух с половиной часов неподвижно в тишине лаборатории, на стуле у окошка, держа на коленях портфель, блокнот, чернильный карандаш (ах, хорошо было самопишущее перо!) и шапку.

Берлога рассматривал гербарии в стеклянных ящиках на столах, препараты в банках, где в лиловом спирту лежали чудовищные пауки, кольчико змей, какие-то зародыши, порожденные, казалось, бредовой фантазией. Прозрачные, как мыльные пузыри, реторты, медные приборы, микроскопы, измерители, стеклянные шкафы в стене, где гудели газовые горелки и варилось, парилось какое-то снадобье, — все это приводило Берлогу в почтительное изумление.

Высокая, очень тонкая девушка в белом халате, в белой косыночке, связанной очипком, — профессор Валентина Афанасьевна Озерова (про нее еще недавно Берлога писал в "Красном Златогорьи": "Восходящая звезда советской науки, профессор биологии, будущий академик, и при этом — 26 лет, и красива, как утренняя заря"), — работала в глубине этой тихой лаборатории. Она то подходила и наклонялась над микроскопом, то включала рубильник, и тогда мягко взывало динамо, соединенное с каким-то очень сложным прибором.

Валентина Афанасьевна, казалось, совсем забыла про Берлогу. Ее красивое лицо было спокойно и сосредоточенно. Она работала над крылышком таинственной бабочки, доставленным ей два дня тому назад.

Крылышко было как крылышко, огненно-желтого цвета с лиловой каемкой. И хотя Берлога принес его с величайшими предосторожностями, в жестяной коробке от монпансье, никаких необычайных реакций оно не возбуждало. Химическое и микроскопическое исследования показали обычный состав крыла насекомого — клетчатка, пыльца и прочее.

Любопытные данные дал спектральный анализ. Им было обнаружено присутствие остатков какого-то легко распадающегося вещества. Оно давало три линии в зеленой, одну в оранжевой и одну в фиолетовой части спектра. Вот тогда-то Валентина Афанасьевна и замолчала, перестав отвечать на робкие — шепотком — вопросы Берлоги, судорожно сжимавшего чернильный карандаш.

Микроскопические доли таинственного вещества были извлечены (вместе с пыльцой), и Валентина Афанасьевна подвергла его действию переменных токов, очень высокого напряжения. Но, по-прежнему, — в спектре оставались те же линии. Она увеличила вольтаж. Помещала пыльцу в вакуум с высокой температурой. Было только одно — несомненное возмущение катодных лучей, но вещество оставалось неизменным, никакая химическая реакция на него не действовала. Валентина Афанасьевна выключила рубильник. Подошла к окну и задумчиво глядела на лужайку парка.

Деревья уже покрылись золотом, багровел клен, осыпалась темная листва с каштанов. Над осенними астрами клумбы толклись две запоздалые зелено-желтенькие бабочки-капустницы. "Баба, баба и видно, — с отчаянием думал Берлога, — бросила все к чертям, любитесь на бабочек, извольте ли видеть". Он даже зубами скрипнул.

— Скорее, послушайте, как вас, бегите, прыгайте в окно, — неожиданно крикнула Валентина Афанасьевна и вся покрылась румянцем. Берлога,

не рассуждая, рванулся к окну, раскрыв, прыгнул в сад, упал, встал, обернулся с раскрытым ртом. Валентина Афанасьевна топала ногой от нетерпения:

— Ловите, да скорее же! Слепой вы, не видите, вон они. Да бабочки же, капустницы...

Тогда Берлога припустился на длинных ногах по лужайке, размахивая шляпой, гоняясь за бабочкой. Валентина Афанасьевна кричала:

— Не задавите. Мне живую нужно.

Может быть, никогда еще не был так гениален Берлога, как в это осеннее утро. Он перепрыгивал через кусты, проносился по клумбам, подкакивал на высоту, немислимую для нормального человека. И бабочку живую поймал. Подал ее Валентине Афанасьевне.

Тогда произошло то именно, чего она и ожидала. На крыло бабочки насыпаны были остатки пыльцы. Насекомое помещено под спектроскопом. Берлоге приказано считать секунды. (Он удивлялся потом, как не лопнуло сердце от этого ожидания.)

И вот, в свинцовой коробке, где помещена была бабочка, что-то с треском вспыхнуло. Прошел еще миллиард секунд, — и Валентина Афанасьевна оторвала глаз от окуляра спектроскопа. Лицо ее, глаза — сияли так, как ни у одной девушки даже в величайший миг любовного счастья.

— Восемь линий газового спектра: линия гелия... линии эманации радия... и три линии того элемента... Того...

Она не могла говорить, положила руку на горло:

— Слушайте, как жалко, что вы ничего не понимаете... Ну, да поймите же, что я открыла новый элемент...

.....

— Ах, вы про эти пожары... Да, да, вам нужно для газетной заметки... Ну, пишите... Видимо...

— Видимо, — прошептал Берлога, полетев чернильным карандашом по блокноту.

— ...жизненная энергия бабочек в ту минуту, когда бабочка находится в полете, то есть выделяет в изобилии жизненную энергию, производит чрезвычайно интенсивный атомный распад элемента, до сих пор нам не известного, а теперь известного... И, в свою очередь, эманация при распадении этого элемента разлагает азот воздуха, при чем происходят выделения атомов водорода и воспламенение его... Поняли, записали?..

— Постойте, постойте, я немного запутался, тут такие слова, специальные... Валентина Афанасьевна, поедомте лучше в редакцию, у нас там сидит спец по водороду...

Содержание глав I-XVIII

В городе Златогорске приезжий концессионер-иностранец Струк воздвигает странный огромный особняк. Но городу не до того. В Златогорске — эпидемия пожаров, может быть, поджогов. Делопроизводитель Варвий Мигунов и репортер Берлога отыскивают в архиве губсуда старое дело № 1057 о таких же событиях, происходивших в Златогорске двадцать лет назад. После пожара в здании суда Мигунов, как потерявший рассудок, помещен в психиатрическую больницу. Уголовник Петька-Козырь похищает по заданию неизвестных лиц дело № 1057. Берлогу заманивают в психиатрическую больницу, где преступно лишают свободы и переводят на положение душевнобольного. После митинга на заводе комсомолец Ванька Фомичев, старый рабочий Клим и лихой заводский парень Андрей Варнавин решают сообща взяться за поиски поджигателей. Варнавин отправляется к уголовникам и после очередного пожара попадает вместе с Петькой-Козырем в тюрьму, по обвинению в поджоге. В город приезжает некто, называющий себя инженером Кукуверовым, и останавливается в гостинице "Бельвю". Далее Кукуверов устраивается секретарем мистера Струка. Последний окружен в своем особняке бывшими "сиятельными" людьми царской России. При нем же авантюристка Дина Каменецкая, именующая себя "Элитой Струк". Появляется двойник Кукуверова и в автомобиле похищает Берлогу из больницы. Подруга Петьки-Козыря, проститутка Ленка-Вздых, приносит в порт странный пакет, от которого в порту начинается страшный пожар. Пораженная этим несчастьем, Ленка приходит с повинной в уголовный розыск. По ее указанию начальник милиции Корт производит обыск в квартире некоего учителя Горбачева и арестовывает его. В загородном доме Берлоге удается убить двойника Кукуверова и бежать. В своем двойнике, убитом Берлогой, Кукуверов узнает швейцара из Струковского особняка. Элита Струк арестована. Женщина-химик Озерова при опытах обнаруживает легкую воспламеняемость бабочек-капустниц при известных химических условиях.

Глава XIX. "Златогорская, качай!"



Михаил Зощенко

Это был простой двухэтажный дом. Он ничем почти не отличался от прочих златогорских строений. Только что у ворот дома стояла будка. Да еще на стене, над окнами, висела вывеска: "Златогорская пожарная часть имени тов. Цыпулина".

От будки до угла дома ходил дежурный пожарный. Он, время от времени притопывая ногами, не от холода, но от скуки мурлыкал про себя: "Кари глазки, куда вы скрылись".

Было три часа дня.

В первом этаже в казармах было светло и тихо.

На койке у окна сидел старый пожарный Григорий Ефимович Дубинин. Вокруг него сидели, кто на чем попало, златогорские серые герои.

— А я люблю быть пожарным, — говорил Григорий Ефимович. — Я тридцать пять лет на борьбе с этой стихией и от этого не устаю. А что часто меня на пожар тревожат, или, может быть, редко — это мне спать не мешает.

— Вы, Григорий Иванович, человек, как бы сказать, пожилой, — ска-

зал молодой пожарный Вавилов. — У вас, кроме пожаров, и запросов, может, никаких не сохранилось. А нам, как бы сказать, неинтересно два раза в сутки выезжать.

— Это, действительно, верно! — подхватили другие пожарные. — Они поджигать будут, а мы им туши по два раза в сутки. Это абсурд с ихней стороны поджигать.

— Поджигать! — сказал Григорий Ефимович. — Это к чему же поджигать? Это не может того быть, чтоб пожары поджигали. Это чистая абстракция — поджигать. Ну, может, неосторожное обращение с огнем. Или, опять-таки, чрезмерная топка. Но поджигать — с этим я не согласен. Это того быть не может.

— Это, Григорий Ефимович, не проверено, — сказал молодой Вавилов, — хотя, говорят, все-таки...

— Говорят! — сердито сказал Григорий Ефимович. — Это к чему же поджигать, сообрази своей дырявой головой. Это кому же польза поджигать? Я, может, тридцать пять лет работаю на пожарную стихию. Действительно, верно, бывают поджоги — слов нет. В девятом году купец Великанов магазин свой поджог. А почему он магазин свой поджег? Потому он магазин свой поджег, что хотел он через это страховую сумму получить. Вот почему он свой магазин поджег. А теперь, предположим, горит дом. И страхованья, положим, на нем нету. Это к чему же его поджигать? Это чистая абстракция.

— Говорят. Григорий Ефимович, таких специальных бабочек выпускают — они и поджигают.

— Бабочек! — сказал Григорий Ефимович. — Бабочка, она насекомая. Животная. Порхать она может. Огня она не может из себя давать. Откуда она может огня давать? Или она со спичками, думаешь, летает?

— А если, Григорий Ефимович, химическая бабочка, — неуверенно скапал Вавилов. — Если это химическая бабочка?

— Химическая бабочка? — сказал Григорий Ефимович с полным знанием дела, — это, опять таки, я вам скажу, чистая абстракция. Химическая бабочка не может выше одного аршина подниматься.

Тут Григорий Ефимович, проработавший тридцать пять лет на борьбе со стихийными бедствиями, несколько осекся. За тридцать пять лет ему не приходилось разговаривать на такие сложные химические темы. К тому же он никогда и не слышал о химических бабочках. Он только презрительно махнул рукой, желая прекратить досадный разговор, разговор, который мог бы подорвать авторитет старого пожарного спеца.

Однако, живой интерес к химическим бабочкам пересилил мелкие ощущения Григория Ефимовича.

— Ну, хорошо, ну, химическая бабочка, ладно, — сказал он равнодушно, — но опять таки, какая это химическая бабочка? Химическая бабочка не всегда подает огонь... Или как ты думаешь?

— Я думаю, — мечтательно сказал Вавилов, — что, может, при общем движении науки и техники какие-нибудь, может, профессора удумали какую-нибудь сложную материальную бабочку...

— Ну? — сказал Григорий Ефимович.

— Может быть, они удумали механическую бабочку, которая летит и вращается, и искру из себя выпускает. Может быть, при ней вроде, как бы сказать, зажигалка такая пристроена. Искра и выпускается...

— Искра! — сердито сказал Григорий Ефимович. — Чистая абстракция. Зачем ученые профессора будут удумывать такие искры?

В это время по Златогорской улице бежал человек в расстегнутом пальто и без шапки. Человек был явно не в себе. Лицо его было бледное и испуганное.

Он добежал до пожарной части и, сильно размахивая руками, начал что-то говорить дежурному пожарному. Тот подошел к будке и нехотя стал за веревку дергать небольшой колокол.

Тотчас во втором этаже открылось окно, и супруга брандмейстера, высунувшись по пояс, спросила:

— Захарыч, горит, что ли? Где?

— Да, на Шоссейной, Елена Дмитриевна.

Во дворе уже суетились пожарные. Они бегали по двору, подтягивая руками свои широкие парусиновые штаны.

Нестарый, плотный брандмейстер, с крепкими стоячими усами, зычно кричал:

— Жива! Запрягай...

Минут не больше как через десять златогорская пожарная команда в полной боевой готовности выехала за ворота.

Впереди ехала линейка с пожарными. Несколько позади — платформа с рукавами и пожарной помпой.

Выезд был — нельзя сказать, чтоб удачный. Заднее колесо платформы делало восьмерку. И через два квартала это колесо вовсе отвали-



лось. Обычно это колесо всякий раз отваливалось, но, по большей части, вблизи пожара. На этот же раз, как на грех, оно отвалилось вблизи самой пожарной части.

Но тут надо отдать должное златогорским героям — колесо было изумительно быстро прилажено. И пожарная процессия снова двинулась дальше.

На Шоссейной улице уже стояла огромная толпа. Все с крайним любопытством глядели на окна второго этажа. Одно окно было разбито. И из разбитого окна валил дым.

Дым валил не особенно густо. Ну, примерно, как из самоварной трубы.

— Это буржуйка с третьего номера, — говорил какой-то парень, чувствуя себя героем. — В третьем номере от чрезмерной топки стена загдела. Все кончено. Потушили.

Вокруг парня стала собираться публика. Парень воодушевился и начал что-то сильно привирать.

Народ на улице собирался все гуще и гуще. Пожарные с трудом протискались к дому.

— Полундра! — восторженно кричали мальчишки. — Златогорская, качай!

Перепуганные жильцы и соседи, на всякий пожарный случай, выволокли из квартир свое барахло на улицу. И теперь сидели, каждый на своей куче, пересчитывая то и дело кастрюли и перины.

Вокруг суегились какие-то молодые люди и с жадным любопытством разглядывали домашнюю утварь.

Толпа прибывала. Все соседние улицы были забиты народом.

Старый пожарный спец, Григорий Ефимович, стоял на линейке и, махая рукой, кричал:

— Расходися, граждане. Никакого себе пожару... Чрезмерная топка... Нетути поджога... Иди по своим делам... Тоже — химические бабочки! Говорил — чистая абстракция...

Однако толпа не расходилась.



И уже уперли где-то подушку. По крайней мере, домашняя хозяйка истощенным голосом вопила об этом происшествии.

Уже кое-где произошла давка. И кого-то помяли.

Толпа все стояла и глядела на окна второго этажа.

И можно было видеть в этой толпе всех наших оставшихся в живых героев. Одни, потрясенные разными событиями, стояли молча, испуганно покачивая головами, другие оживленно беседовали.

У самого злополучного дома, у ворот, стоял наш дорогой приятель, товарищ Мишин, начальник уголовного розыска. Он мрачно глядел на толпу и неопределенно пожимал плечами.

Тут же стоял Берлога. Вернее, он не стоял, он бегал с места на место. Он нырял в толпу и в толпе прислушивался к разговорам и толкам.

Вдруг в толпе, в том месте, где нырнул Берлога, раздался отчаянный вопль.

— Ложи назад! — кричал кто-то. — Вот я тебе по морде сейчас дам!

И в эту минуту Берлога, сильно потрепанный, вынырнул из толпы.

В руках его был какой-то сверток, какие-то бумаги.

Берлога дышал тяжело и прерывисто. Глаза его блуждали. Он, видимо, кого-то искал.

Сейчас, в куче домашнего скарба, на одной из перин, он случайно увидел сверток. Это был какой-то грязный, потрепанный сверток. Однако, до боли знакомые цифры на нем — 1057 — потрясли Берлогу. Он схватил с перины сверток с бумагами, нырнул сквозь толпу, и теперь, прижимая бумаги к груди, стоял в некоторой неподвижности.

Но вот он увидел товарища Мишина и ринулся к нему. Он подбежал к начальнику уголовного розыска и, несколько отдышавшись, торопливо развернул бумаги. Трепет прошел по телу Берлоги. Это было украденное дело № 1057.

Рисунки Б.И. Антоновского



Глава XX. Дошел до ручки!



Вера Инбер

Фаршированная рыба (щука), кротко прильнув щекой к вареной картофелине, казалось, отдыхала от фаршировальных мучений. Отец же Сарочки Мебель, старый патриархообразный папа Мебель, многоуважаемый Самуил Мебель, изучая в пятницу вечером строение рыбьего (щучьего) хвоста, думал о жизни. Он думал о том, что три магазина, которые он, приютившись под крылышком нэпа, открыл: один на свое имя, другой на имя жены, третий на имя вдового сына, что эти три магазина, говорим мы, приносят ему меньше прибылей и радостей, чем он ожидал. Особенно неорганизованно вела себя колониально-галантерейная торговля, третья по счету, где хозяйничал овдовевший Мирон Мебель.

— Я понимаю, — размышлял старый Самуил, глядя в упор на фарш, как подушка из тесной наволоки, выпирающий из щучьего бока, — я допускаю, что магазин стоит не на веселом месте. Слева — кладбище, справа — бойня, в анфас — сумасшедший дом, а на горизонте пороховой склад. Такой район не улыбается. Но это же еще не причина, чтобы три месяца мариновать на складе бочонков бывших королевских сельдей. Ведь это же разорение! Подсолнечное масло — так оно прогоркло, вакса высохла на мою голову, что же касается чернослива... — в этом месте Самуил Мебель схватился за лысину и поник над щукой.

— Самуил, — заныл в дверях голос мадам, — Самуил, это же нельзя выдержать, то то, то се. То царь, то коммуна, то нет лавки, то есть лавки, то Сарочка, то Мирон!

— А что Мирон? — запросил Самуил Мебель с тревогой.

— Самуил, — снова заныла мадам Мебель, взявшись за глаз, — разве ты не видишь, что Мирон крутит?!

— Крутит? Не может быть. И так-таки с кем?

— Сиделка из сумасшедшего дома. Так он ей и миндаль, и ваниль, и кокосовые пуговицы, Самуил.

— Жаль, что не подсолнечное масло. Очень жаль.

— А чернослив, Самуил, чернослив прямо пачками!

Самуил Мебель, опять ухватившись за лысину, подошел к окну. А за окном стояла ночь. Город был полон ею до краев, налит ею, как стакан — водой. Внизу, под окном, в черных, смятых и жарких кустах вздрагивал женский голос, покашливал бас, белели руки, и алая точка папиросы висела в воздухе, как птичий глаз.

— Ты слышишь, Самуил, — застонала мадам Мебель, — ведь это наша

Сарочка с каким-то новым прохвостом. Совершенно пропала. Я ей: — Сарочка, куда ты себя так пудришь? — А она мне: — Оставьте, мамаша, это теперь в моде. — Я ей: — Сарочка, смотри, как ты себя ведешь! — А она мне: — Мамаша, это теперь в моде.

— Знаете, товарищ Брындза, — ворковала в темноте невидимая Сарочка, — я вишу в абсолютной пустоте. Мои родители — отрывки старого быта. Я рвусь к новой жизни, но не могу же я одна. Я тоскую. Я просто в отчаяние прихожу.

— Действительно, — сочувственно зарокотал в темноте товарищ Брындза, — так можно до ручки дойти.

— Самуил, — заволновалась наверху мадам Мебель, — что это за разговор? Может быть, он хочет на ней жениться, так ни в коем случае. Ни ручки, ни сердца, ни колониальной торговли он не получит.

— Аннета, — зашипел Самуил Мебель, — не понимаешь, так не вмешивайся. Это просто такое выражение русского народа. Но я со всеми своими делами: с Мироном, с Саррой, с сумасшедшим домом и черносливом, я таки дойду до этой ручки, я это чувствую.

Он еще не договорил последнего слова, как черный бархат ночи стал светлеть и, светлея, таять. Вся комната оранжево осветилась. Вещи, выступая из мрака, как бы рождались наново. Полустолетний подсвечник на комодке заиграл веселым серебром, комод помолодел, и даже фаршированная щука сверкнула золотой рыбкой.

— Конечно! — воскликнул Самуил Мебель, опускаясь в изнеможении на стул. — Опять горит. Горит. И где горит? На Водопроводной улице, у скорняка Мошковича, я вижу по расположению огня. Людям счастье. В понедельник застраховался, а в пятницу уже горит.

Тут мадам Мебель посмотрела на мужа зорко и сказала медленно:

— Людям счастье... А ты о чем думаешь? Чем ты хуже! Или ты не застрахован? И что, например, если стгорит лавка, где сидит Мирон? Кто может что-нибудь иметь против, раз это стихийное бедствие!

— Тьфу, — плюнул внезапно Самуил Мебель. — Горит. Что горит, где горит... Ничего не горит.

Действительно, теперь уже было ясно, что никакой скорняк Мошкович не горел. Просто на горизонте в свой обычный час пористо-розовая, как апельсин, подымалась огромная надкусанная луна.

Но мадам Мебель не смутилась.

— Луна это одно, — сказала она, — а страховая премия это другое. Подумай об этом, Самуил.

И старый Самуил Мебель снопа впал и задумчивость.

Благодаря коллекции пожаров Златогорск из невыразительного бледного города превратился в мировой центр, обведенный на карте многозначительным кольцом. "В Златогорске пожары!", "Пожары в Златогорске!" — зарокотали в типографиях ротационные машины. Защелкали телеграфные аппараты, провода, если вслушаться, загудели в лесах и полях о том же. И радиоприемники чутко настроенным ухом подхватили и разнесли по всему свету весть о златогорских пожарах.

Изображение репортера Берлоги, случайно уловленное чьим-то объективом, пошло гулять по всем иллюстрированным еженедельникам Европы, Америки и Австралии. Подписи под ним становились все страннее, все причудливее. То это был пожарный маниак, то поджигатель, то подожженный, то сгоревший заживо, то неуязвимый для огня. Одна американская фирма, выпустив в свет новую разновидность спасательных поясов, довела до сведения публики, что только благодаря этому поясу известный писатель Берлога, друг покойного Толстого, не захлебнулся в наводненной пожарными кишками комнате. И что в самом скором времени выйдут в свет его мемуары с подробным описанием чудесного прибора.

Уже начали поговаривать о какой-то гигантской международной провокации. Керенский написал по этому поводу открытое письмо в "Руль". Таинственное судно появилось у берегов Камчатки, обстреляло рыбные промысла и сгинуло. Дина Каменецкая получила приглашение сниматься в Голливуде с Чарли Чаплиным. Словом, шум, поднятый вокруг златогорских пожаров, был так велик, столько интернациональных интересов было затронуто в связи с ними, что личный интерес Самуила Мебеля к его третьей лавке во всем этом хаосе был совершенно незаметен...

На ранней заре, когда весь город спал, Самуил Мебель вышел из дому. Он шел неторопливой походкой почтенного советского гражданина, которому не спится. Подходя по тихой кривой улочке к району боен и кладбища, он рассуждал так:

— Мирона я разбуду и велю ему убираться, на чем свет стоит. Пусть идет, куда хочет, хоть в сумасшедший дом; кстати, у него там есть готовая сиделка. А я между прочим опрокину бутылку с керосином в ящик с макаронами и полью это все подсолнечным маслом. Спички лежат тут же полке, рядом с яичным мылом. Одна минута, чик... и готово. Я иду домой спать, а завтра Госстрах платит мне деньги. Ничего не поделаешь: стихийное бедствие настигает всех, без различия пола и возраста. Здесь все нор-

мально: я никого и ничего не боюсь, за исключением порохового склада. Хотя он и далек от лавки, но кто его знает... Все зависит от ветра.

Самуил Мебель остановился, протянул нос по ветру и задумался. Ветер был слаб, кто его знает...

Ветер был слаб. Он благоухал зарей, свежестью, водой и травами. Он сулил удачу. Он был тепел, как мед, и сладок, как беспроегрешная лотерея. Но вдруг Самуил Мебель замер. В стаю очаровательных и неопределенных ароматов ворвался один совершенно определенный ужасный запах: запах дыма. Самуил Мебель, весь дрожа, внимательно принялся. Близость порохового склада предстала перед ним во всей своей грозной очевидности. "Дурак, дурак, — сказал самому себе старый Самуил, — как я мог думать, что этот склад на горизонте! Он тут рядом, руку подать. Он даже гораздо ближе, чем бойни. Что будет, если взлетит весь город, а с ним вместе мои другие две лавки? Но главное, если дознаются, что я прогуливался тут утром, так этому придадут общественное значение, и я пропал. Ведь это действительно пахнет поджогом. Что делать... что делать... Дошел таки до ручки!"

— Тссс, — зашипел внезапно у невзрачной калитки чей-то голос и продолжал шепотом: — Вы что же это, гражданин!.. Разве не видите, что человеку мешаешь? Человек делом занят, а вы надвигаетесь, — и тут над калиткой воздвиглась фигура "человека" лет двенадцати, у которого, вместо носа было просто небольшое возвышение из веснушек.

— Простите, — тоже шепотом и необычайно сладко ответил папа Мебель, — я вовсе не надвигаюсь. Не спится, знаете, дай, думаю, пройдуся по окраине города.

— Тссс, — снова зашипел "человек", — летят. Ложитесь, пригнитесь по диагонали. Летят, слышите? — и он с такой силой прихлопнул Самуила к земле, что тот невольно сел. В тишине послышался шорох, чириканье, чьи-то небольшие крылышки рассекали воздух все ближе и ближе. И все его закончилось ликующим и уже вполне громким воплем восторга "человека" с веснушками: — Поймал! Два щегла и одна синица. Можете встать. Скажите, а как у вас обстоит дело с мухами?

— А что? — с осторожностью спросил Мебель, подымаясь с земли. — Почему вас интересуют мухи, молодой человек?

— Я своих птиц мухам кормлю: питательно и дешево. То есть, раньше я кормил их бабочками. От бабочек щеглы делаются гладкими и поют замечательно. Но бабочки-то пропали...

— Скажите... Так-таки пропали?

— Как в воду провалились. Думаю перейти на червей. Пойдите, почувствуете, как дымом пахнет?

— Или я чувствую, молодой человек, — застонал Самуил Мебель, совершенно зеленый от переживаний этого ужасного утра. — Я только это и чувствую. Но дыма я не вижу.

— Сейчас мы все это устроим. Огня без дыма не бывает. Нот я только отнесу птиц, и мы разойдемся с вами и разные стороны: вы на север, я на юг. Кто первый заметит пламя, издаст павлиний крик.

— Павлиний я не умею, дорогой мой юноша. Я к этому вообще не привык.

— Пустяки, вам надо поступить в наше звено: сразу научитесь. Ну, идите на север.

Трясущийся и бледный отправился Самуил Мебель на поиски дыма. Эта тишина сонного города, одиночество, таинственное и грозное бедствие, с которым он сейчас очутится лицом к лицу, — все это потрясло его. На одном из перекрестков он остановился. Отсюда, он прекрасно видел все: сумасшедший дом, кладбище, бойни и страшный пороховой склад. Видел он и свою злополучную лавку. Но что это?.. Самуил Мебель крепко обхватил соседнее дерево и застыл, да, да, дым шел именно из его, да, да, лавки. Да, да, дым шел именно из его лавки.

Лелеять у себя дома всяческие пожарные замыслы — это одно. Но совсем другое — увидеть густой щетинистый дым верблюжьего цвета, обильно и медленно ползущий из окна. Все показалось иным в этот миг папе Мебелю. Торговля — не такой уж бездоходной, место — не таким угрюмым, и даже злополучное подсолнечное масло — менее горьким. Что делать? Звать людей, бежать самому, издать павлиний крик?!.. Позвать пожарных?!.. По они налетят, как коршуны, все затопчут, все зальют водой, а товар — вещь деликатная! Нет, надо посмотреть самому, разбудить Мирона. Может быть, можно потушить домашними средствами. А пороховой склад... Нет, надо будить людей, звать пожарных. А товар... Нет, надо сначала посмотреть самому.

И Самуил Мебель, ежеминутно теряя дыхание и вновь находя его где-то в глубине диафрагмы, ринулся по направлению к лавке. "А Мирон спит!" — мелькало у него в голове во время бега. Добежав до двери, он обрушился на нее всем телом. Дверь безмолствовала. С непостижимой для его возраста силой он налег на нее: она крякнула и распахнулась. Лавка была пуста. Успокоительно пахли сельди, пуговицы всех сортов глазели из-под непромытого стекла. Подле банки с мелким сахаром на кипе оберточной бумаги густо алено рваное пятно, сгусток черно-красной крови.

— Мирон убит, — подумал старый Самуил, и остатки седых волос зашевелились на его лысине. — Убит Мирон. Он, правда, был неважный сын и плохой коммерсант: мариновал сельди, разбазаривал чернослив и бегал в сумасшедший дом, но все же это был настоящий Мебель. И теперь, боже мой, как я скажу об этом Аннете...

Запах дыма становился нее ощутительнее, все страшнее. Самуил Мебель, роняя по дороге голландский сыр в стопку мыла, ворвался в заднюю комнату, где, очевидно, лежал труп, и откуда валил дым. Мирон, совершенно живой, без пиджака, низко склонялся над примусом, над кастрюлей, где что-то всхлипывало и ворчал.

— Мирон, — в изнеможении воскликнул папа Мебель, — сын мой, что это значит? Почему такой дым? Ты жив?

Мирон багрово покраснел, схватился за огонь, обжег пальцы, хотел потушить примус и, очевидно, забыл, как это делается.

— Папаша, — с дрожью в голосе сказал он, — вы не думайте, честное слово, я отдам вам все до одной копейки, чтобы вы не говорили, что я вор. Я не вор, только я влюблен, папаша, как мальчик, как дитя. Делайте со мной, что хотите.

— Что? В чем дело? Смотри, у тебя что-то пригорает. Что это за стряпня в пять часов утра, когда весь город спит? И почему такой дым? Что тут происходит, ты можешь мне, наконец, ответить?

— Могу, отвечаю вам, что это повидло из чернослива, которое я варю для любимой девушки. Сахар у меня подгорел, вот что; оттого и дым. Присядьте, папаша, что вы стоите? Пошел я с ложкой за сахарным песком и всюду там накапал, так вы не обращайтесь внимания. Я сам все вытру. Главное, не волнуйтесь.

Самуил Мебель посмотрел на стены, на потолок, где обитало семейство пауков, на стол, где в кастрюле жалостно всхлипывало варево, на закопченную медную кастрюлю с длинной деревянной ручкой, — посмотрел на все это отец Сарочки Мебель, старый патриархообразный папа Мебель, многоуважаемый Самуил Мебель, посмотрел на все это, и молвил с горькой, как подсолнечное масло, усмешкой:

— Кончено. Вот я и дошел до ручки!

Содержание глав I-XXI

В городе Златогорске приезжий concessioner-иностранец Струк воздвигает странный огромный особняк. Но городу не до того. В Златогорске — эпидемия пожаров, может быть, поджогов. Делопроизводитель Варвий Мигунов и репортер Берлога отыскивают в архиве губсуда старое дело № 1057 о таких же событиях, происходивших в Златогорске двадцать лет назад. После пожара в здании суда Мигунов, как потерявший рассудок, помещен в психиатрическую больницу. Уголовник Петька-Козырь похищает по заданию неизвестных лиц дело № 1057. Берлогу заманивают в психиатрическую больницу, где преступно лишают свободы и переводят на положение душевнобольного. После митинга на заводе комсомолец Ванька Фомичев, старый рабочий Клим и лихой заводский парень Андрей Варнавин решают сообща взяться за поиски поджигателей. Варнавин отправляется к уголовникам и после очередного пожара попадает вместе с Петькой-Козырем в тюрьму, по обвинению в поджоге. В город приезжает некто, называющий себя инженером Куковеровым, и останавливается в гостинице "Бельвю". Далее Куковеров устраивается секретарем мистера Струка. Последний окружен в своем особняке бывшими "сиятельными" людьми царской России. При нем же авантюристка Дина Каменецкая, именующая себя "Элитой Струк". Начальник милиции Корт производит обыск в квартире некоего учителя Горбачева и арестовывает его. В загородном доме Берлоге удается убить двойника Куковерова и бежать. В своем двойнике, убитом Берлогой, Куковеров узнает швейцара из Струковского особняка. Элита Струк арестована. Женщина-химик Озерова при опытах обнаруживает легкую воспламеняемость бабочек-капустниц при известных химических условиях. Во время пожара сумасшедшего дома трагически погибает Ванька Фомичев. На пожарище одного из златогорских домов, среди вытасненных вещей, Берлога находит дело № 1057.

Глава XXII. Возвращение пространства



В. Каверин

Весь этот день Варвий Мигунов чувствовал странное беспокойство. Бормоча что-то, он неутомимо шагал из угла в угол, огромный красный платок торчал из заднего кармана его брюк, как перевернутый флаг или знамя армии, понесшей поражение. Бабочки, вырезанные из папиросных коробок, из архивных дел, висели во всех углах, аккуратными стопочками лежали на подоконниках, и он подолгу, не отрываясь, смотрел на них.

Самый лучший экземпляр бабочки, вырезанный особенно тщательно, висел на нитке посредине комнаты. Прекрасные пушистые брандмейстерские усы торчали на этом экземпляре, большой запачканный ваксой хвост с некоторой величием плыл в воздухе.

Над этой бабочкой Мигунов работал с того самого дня, как он был выпущен из сумасшедшего дома и снова поступил под присмотр Ефросиньи. Он был тих, молчалив, почти спокоен. Старуха подчас забывала, что рассудок покинул его. Бесконечная работа Варвия над бабочками начинала казаться ей службой, едва ли не важным делом, имеющим государственное значение. Иногда она даже принимала участие в этой работе — например, именно она запачкала хвост самой лучшей бабочки ваксой.



Быть может, так бы и окончил свою жизнь бедный архивариус с ножницами в руке и странной задумчивостью в глазах, лишенных разумного выражения — если бы не этот день...

В этот день, с самого утра, он почувствовал беспокойство.

Пошатываясь, заложив руку за спину, пожевывая губами, он шагал по комнате.

Утомившись, наконец он сел на подоконник и уставился, напряженно раскрывая глаза, на стену соседнего дома. Вдоль стены, раскинув руки, приподнявшись на носках, осторожнейшим образом крался мальчик лет двенадцати; красный галстук болтался у него на шее, он шел,

высоко поднимая ноги, совершенно таким же образом, как крадетесь сыщик за преступником и каком-нибудь авантюрном кинофильме.

— Пио... пионер... — смутно припоминая, что-то пробормотал Варвий.

Он распахнул окно и сел, свесив ноги с подоконника. Пионер, не обращая на него ни малейшего внимания, остановился, вытащил из кармана какой-то маленький круглый предмет и внимательно посмотрел на него.

— Так я и думал, в юго-восточном направлении, — внятно сказал он.

— Часы... нет компас, — мучительно морща лоб, вспоминал Варвий.

Он соскочил с подоконника на улицу и, подражая пионеру, пошел вдоль стены. Так он прошел одну и другую улицу. Мелькнул фонарь, мигнул зеленый шар аптеки. Деревянные помосты златогорских панелей скрипели под его ногами, как скрипят мачты корабля, в ненастную ночь отплывающего от незадачливой бухты. Он, пугаясь, шел вперед, красный галстук пионера давно уже исчез за углом, а он все шел и шел: улицы лежали перед ним, как разбитое зеркало — в каждом осколке его помраченная голова видела его самого, архивариуса Варвия Мигунова, уходящего от кого-то, следящего за кем-то...

Наконец он уткнулся в глухую стену порохового склада на окраине города. Слепое предчувствие заставило его отбежать в сторону, к забору. В то же мгновение гигантский столб огня встал над мгновенно озарившимся зданием, черные клубы дыма ринулись в разные стороны, мощное дыхание подхватило Варвия. Как футбольный мяч, подхваченный силь-

ным ударом, он взлетел на воздух и, перелетев через забор, упал на землю. Он очнулся через несколько минут и вскочил на ноги, бледный, как полотно, с горящими глазами. Весь мир вокруг него пылал, плыл и пел, небо было ярко-красного цвета. Он дрожащими руками прикрыл глаза и, шатаясь, сделал пять-десять шагов вперед.

— Я вспомнил, я вспомнил все наконец! — крикнул он хрипло.

С лицом, принявшим внезапно осмысленное и живое выражение, он бросился бежать по направлению к горящему зданию. Только теперь, уткнувшись в забор, через который был переброшен силой взрыва, Варвий увидел, что находится в каком-то заброшенном огороде — полусгнившие кочны капусты попадались на каждом шагу, земля была рыхлая и влажная.

Дырявое, ветхое зданье стояло на противоположном конце огорода, ветхая лестница вела на мезонин, и Варвию причудилось, что он видит на этой лестнице смутные очертания человеческой фигуры.

Тяжело дыша, с трудом удерживая непонятное желание кричать, прыгать, как-то отпраздновать возвращение времени и пространства, сознания — Варвий обегал зданье кругом и хотел было уже приблизиться к лестнице, когда чья-то рука осторожно коснулась его, и знакомый голос произнес изумленным шепотом:

— Варвий? Как ты сюда попал, дружище? Ш-ш ш... говори тише, не то нас обоих в два счета прихлопнут...

Худой человек, в кепке и коричневом клетчатом пальто...

Берлога, несомненно Берлога, не кто иной как Берлога, старый друг и самоотверженнейший репортер "Красного Златогорья" — стоял перед нами.

— Берлога! — едва мог он выговорить.

— Ты очень кстати, — сказал репортер, внимательно глядясь в лицо Мигунова, — история, брат, запуталась и затянулась с того времени, как мы с тобой искали дело в архивах суда. Еще домов двадцать пять сгорело. Никто ни черта понять не может.

Он промолчал и прибавил нерешительно:

— Кроме меня, пожалуй. Я кое о чем начинаю догадываться.

Варвий, неожиданно для себя самого, весело подмигнул ему.

— И кроме меня, дружище, — прошептал он, — я тоже кое о чем догадался.

Берлога собрался было что-то спросить, как вдруг какой-то шорох, шум, шуршание послышалось над ними. Варвий невольно поднял голову — он увидел тень.

— Опять! — пробормотал Берлога.

— Что опять?

— Как что?! Это Струк, — с досадой сказал Берлога, — ты его не знаешь...

Он не окончил фразы; тень, ожившая и превратившаяся в бритого старика с рыхлым животом и большим носом, спускалась по лестнице.

Не успел Варвий разобраться в непонятных словах, как Берлога пригнул его к земле и сам присел на корточки.

Старик, кряхтя, спускался с лестницы. Он спустился на землю и, ворча что-то, пошел напрямик через развороченные грядки огорода.

Берлога и Мигунов переждали несколько секунд и, едва он свернул за угол здания, крадучись пошли вслед за ним.

Когда они прошли вслед за стариком в узкую дыру, замаскированную чахлыми кустиками сирени, которая росла тут вдоль забора, старик заворачивал уже за угол. Он, казалось, заметил преследователей и старался скорее исчезнуть.

— Ну, надо бежать, — скомандовал Берлога.

Никогда еще за всю свою жизнь Варвий Мигунов, архивариус Златогорского суда, не бежал с такой радостной быстротой, как в это утро. Веселый сухой песок, как акробат, взлетал под его ногами, Берлога сразу остался позади, — и все-таки старик убежал. Как неуклюжая птица, еще не научившаяся летать, он тяжело подпрыгивал, мотался — и все-таки убежал от него, Варвия Мигунова, с какой-то неестественной невероятной быстротой.



И только когда перед глазами замелькала затейливая ограда Струковского особняка, старик замедлил шаги, пытаясь на ходу достать что-то из кармана.

В это мгновение маленький широкоплечий обезьяноподобный человек, — как позднее узнал Мигунов, это был кузнец, дядя Клим, по фамилии Величко, — откуда-то бросился под ноги старику.

Старик упал, что-то в нем глухо звякнуло о камни, и минуту спустя Мигунов и Берлога уже держали старика за руки, а дядя Клим, ворча и ругаясь, собирал какие-то стеклышки и гайки.

— Гражданин Струк, вы арестованы, — твердо сказал Берлога.

—

Ни Мишин, ни Корт еще не вернулись с пожара пороховых складов. Один Куковеров, насилиу оправившийся от обморока, сидел за столом, в кабинете начальника ЗУР'а.

Он был поражен, увидев Струка стоящим между Мигуновым и Берлогой, — в разорванном пиджаке, со связанными на спине руками.

— Развяжите руки, — коротко приказал он.

Дядя Клим, ворча, что "как такого преступника словили, его нужно не то, что развязать, а прямо нужно поперек пула скрутить канатом", — сдернул, однако ж, веревку и освободил Струка.

Старик пошевелил в воздухе пальцами, потер руки и хмуро уселся.

Спустя четверть часа Куковеров остался с ним наедине.

— Ну что, мистер Струк, — спросил он весело, — так, значит, вы из мясниц Белостока, Гродненской губернии, а? Так вы получили в концессию пуговичную фабрику? Так состояние свое вы нажили на военных поставках в Америке?

Струк уныло посмотрел на него и грустно повел носом.

— Мне ничего не удается за последние пять-десять лет, — печально объяснил он, — за что я ни берусь, все летит вверх тормашками и, кажется, скоро я пойду чистить ботинки уличным шалопаем. О чем вы хотите спросить меня? Говорите прямо.

Куковеров вытащил из кармана портсигар, закурил и предложил закурить Струку. Струк отказался от папирос и, вытащив из жилетного кармана сигаретку, долго чиркал спичкой о стертый коробок.

Струк откинулся на спинку стула, рот его медленно открывался, сигаретка скатилась на колени, на пол.

— Вы нашли дело? — растерянно спросил он.

Куковеров встал, оглянулся, нашел глазами графин с водой, стоявший на подоконнике.

— Хотите воды? — коротко спросил он.

— Ко всем свиньям воду, — дергая руками, объявил Струк, — почему я знаю, может быть, вы меня отравить собрались.

— Нет, мы что-то пропустили мимо глаз при чтении этого дела, — подумал Куковеров, — что за черт, он прямо места себе не находит... Отравить! Черта с три мне тебя травить, старая галоша.

— Мы знаем все, — решительно сказал он, — все, вплоть до того, как звали вашу мамку...

— Да у меня не было мамки, я до трех лет искусственным молоком питался, — яростно пробормотал Струк.

— Это все равно, я сказал для примера. Не старайтесь скрывать... попытайтесь утаить — вам же хуже будет.

Струк фыркнул и сел на стул.

— Ну, что ж, — сказал он, — если вы говорите мне такие вещи, так, может быть, вы и в самом деле знаете, как звали мою мамку, хотя бы я и питался до трех лет искусственным молоком. Ну, что ж, если на то пошло, поговорим начистоту, гражданин Куковеров.

Рисунки Н. Кочергина

Содержание глав I-XXIII

В городе Златогорске приезжий концессионер-иностранец Струк воздвигает странный огромный особняк. Но городу не до того. В Златогорске — эпидемия пожаров, может быть, поджогов. Делопроизводитель Варвий Мигунов и репортер Берлога отыскивают в архиве губсуда старое дело № 1057 о таких же событиях, происходивших в Златогорске двадцать лет назад. После пожара в здании суда Мигунов, как потерявший рассудок, помещен в психиатрическую больницу. Уголовник Петька-Козырь похищает по заданию неизвестных лиц дело № 1057. Берлогу заманивают в психиатрическую больницу, где преступно лишают свободы и переводят на положение душевнобольного. После митинга на заводе комсомолец Ванька Фомичев, старый рабочий Клим и лихой заводский парень Андрей Варнавин решают сообща взяться за поиски поджигателей. Варнавин отправляется к уголовникам и после очередного пожара попадает вместе с Петькой-Козырем в тюрьму, по обвинению в поджоге. В город приезжает некто, называющий себя инженером Кукуеровым, и останавливается в гостинице "Белью". Далее Кукуеров устраивается секретарем мистера Струка. Последний окружен в своем особняке бывшими "сиятельными" людьми царской России. При нем же авантюристка Дина Каменецкая, именующая себя "Элитой Струк". Начальник милиции Корт производит обыск в квартире некоего учителя Горбачева и арестовывает его. В загородном доме Берлоге удается убить двойника Кукуерова и бежать. В своем двойнике, убитом Берлогой, Кукуеров узнает швейцара из Струковского особняка. Элита Струк арестована. Женщина-химик Озерова при опытах обнаруживает легкую воспламеняемость бабочек-капустниц при известных химических условиях. Во время пожара сумасшедшего дома трагически погибает Ванька Фомичев. На пожарище одного из златогорских домов, среди вытасненных вещей, Берлога находит дело № 1057. К Варвию Мигунову возвращается память.

При помощи Мигунова и Берлоги Струк арестован.

Глава XXIV. Последний герой романа

I.



Ефим Зозуля

Редакция журнала "Огонек", того самого, номер которого купил Кукуеров в Златогорске и перелистывал на улице, находится, как известно, в Москве. Помещение редакции состоит из ряда комнат, в которых работают разнообразные отделы журнала, Посетители принимаются в определенные часы и удовлетворяются всевозможными справками.

В начале июня, в двадцать четвертую неделю печатания коллективного романа, в горячий полдень, когда солнце разлеглось в синем небе, как в саду у отца, широко разбросав золотые руки и ноги, в редакцию явился плохо одетый человек, чрезвычайно взволнованный.

Его лицо было, точно пригородный огород капустными листьями, густо утыкано гримасами вежливости, любезности и необычайной предупредительности. Извинившись, что он пришел не в часы, предназначенные для приема посетителей, он, задыхаясь, попросил все же разрешения переговорить с секретарем.

В комнате секретаря, усевшись и отчаянно вздохнув — вздохом чело-

века, спасенного после океанской бури с затонувшего корабля, вытасченного на берег и напоенного коньяком, — спросил:

— Скажите, пожалуйста, товарищ, как вы смотрите на пожары, происходящие в Златогорске?

— Мы считаем их бедствием, — ответил не задумываясь секретарь.

— Бедствием?!

— Да, бедствием.

Из левого глаза посетителя бенгальской ракетой выстрельнул длинный луч надежды и завернулся на конце вопросительным щупальцем. Из другого глаза параллельно заструилась умоляющая муть.

— Бедствием?!

— Да, бедствием, — повторил секретарь. — Если принять во внимание, что погибло столько имущества и что все это — советское добро, то, знаете ли, прямо становится жутко.

— Жутко?!

Несчастный от нервности начал глотать слюну и не мог остановить этого занятия. Затем он вытащил из карманов большие красные руки и стал тереть их друг о дружку.

— Вы говорите — жутко? Значит, вы отдаете себе отчет в размере бедствия? — выговорил он, все еще глотая.

— Еще бы... Мы сейчас заняты главным образом тем, чтобы найти виновных и чтобы эти пожары, наконец, прекратились.

— Прекратились?!

Бенгальский луч из глаза посетителя еще более удлинился, а умоляющая муть стала мерцать, как пожар сумасшедшего дома в Златогорске.

— Значит, вы хотите, чтобы эти пожары прекратились?

— Естественно. А что вы можете предложить в этом отношении? Кто вы, гражданин?

— Я, — ответил посетитель, — я... моя фамилия Желатинов. Я — член московской ассоциации изобретателей.

Тут из глаз Желатинова исчезли и бенгальский луч, и умоляющая муть, — все это исчезло и остался один болезненный блеск, какой бывает у людей, когда они очень боятся, что их перебьют, не дослушают и прогонят раньше, чем они успеют сказать самое важное.

Он быстро встал со стула, неуверенно простер вперед руки, беспомощно открыл рот, полувысунул язык. Человек заметался, засуетился, оглянулся на дверь, скомканно спросил: "Можно запереть ее?", но не запер, а опять уселся и опять встал и, путаясь, быстро заговорил, сам себя пере-

бивая и рассыпая во все стороны с измученного лица, как балерина цветы в заключительном танце, все свои гримасы вежливости и любезности:

— Вы понимаете... Эх, если б вы знали... Вы только послушайте, послушайте до конца... Умоляю — выслушайте... Я хочу сказать, я...

После отлетевших улыбок и гримас любезности что-то еще отлетало и отваливалось от этого лица, — половины уже совсем не было, а от другой половины все продолжали отлетать куски.

Сразу стало ясно: это был глубоко несчастный человек.

— Успокойтесь, в чем дело? — ласково спросил секретарь. — Отчего вы волнуетесь?

Этого простого вопроса, сказанного, правда, участливым тоном, было вполне достаточно, чтобы все отлетевшие куски лица опять прилетели на свои места, а из левого глаза опять выстрельнул луч надежды.

— Спасибо, спасибо. Сейчас, сейчас. Понимаете... Понимаете... Я могу прекратить пожары! Все пожары!! В одну секунду! Нет больше пожаров! Кончено!

Он нагнулся, втянул голову в плечи, закрыл глаза и зашипел:

— Выпишите мой огнетушитель.

И секретарь видел, как красный его кулак бухнулся об его грудь.

— Мое изобретение! Выпишите! Выпишите! Прошу!!

В это мгновение открылась дверь и вошел Корт, начальник златогорской милиции, в сопровождении одного из деятелей московской милиции. Решительным шагом оба направились к посетителю и заявили ему, что он арестован.

— В чем дело? — спросил секретарь, поднимаясь из-за стола.

Деятели милиции выражением лиц отчетливо показали, что они могли бы не давать ответа в данном случае в своих действиях, но в виду важности дела и широкой его общественности они ответили:

— Мы следим за этим гражданином несколько дней. Его поведение крайне подозрительно. Он не только читает роман "Большие пожары", но и изучает его. У него дома обнаружены все номера журнала, в которых печатается роман, и всюду, где говорится о пожарах в Златогорске, пестрят всевозможные значки, подчеркивания и непонятные, явно зашифрованного характера, знаки. Мало того, этот гражданин ходит по всем пожарным командам, ходит по всем учреждениям, имеющим отношение к пожарному делу, и даже посылает телеграммы в Златогорск с запросами о размерах пожаров, их количестве и прочем. Нам нужно выяснить, какое отношение имеет сей гражданин к златогорскому бедствию.

Изобретатель смотрел на деятелей милиции непонимающим взглядом

шахматиста, которому в самом трудном положении перед победой над крупным противником суют мармелад или говорят о погоде. В узких глазах его стоял коричневый дым недоумения. Он смотрел на них, как человек, не спавший пять суток, уснувший мертвым сном и нелепо разбуженный для того, чтобы спросить у него, который час.

Насмотревшись вдоволь, он подошел к ним и махнул перед их лицами рукой, точно командующий на параде:

— Слушайте, так же ничего не выйдет, — сказал он. — Ведь так же невозможно! Я уже три года хожу с планами и чертежами и не могу добиться, чтобы мое изобретение испробовали! Самая чудовищная волокита стоит на нашем пути, на тяжком пути изобретателей. А в довершение всего еще вы за мной ходите! Стыдно! Ну, конечно, я ходил по пожарным учреждениям и буду ходить. Ведь я же изобретатель! А что такое изобретатель без настойчивости?! Я читал роман и делал значки. Верно, но я ведь хочу прекратить пожары в Златогорске, и, если вы мне поможете, это будет сделано. Что же преступного в том, что я изучал условия возникновения пожаров в этом злополучном городе?! Оставьте меня в покое! Меня уже три года измучили всякие инстанции, проверяющие мое изобретение и никак не могущие его проверить и испытать.

Изобретатель вдруг вскочил, взглянул на печку, на шкаф с рукописями и крикнул:

— Хотите, я поставлю здесь свой огнетушитель, подожгу редакцию, и пожар немедленно прекратится?!

Секретарь подумал и спокойно сказал:

— Спасибо, не стоит. Лучше давайте придумаем что-либо насчет Златогорска.

Корт отозвал в угол московского деятеля милиции и стал в чем-то убеждать его. Секретарь обдумывал трудное положение и поглядывал на изобретателя. А изобретатель вытянул из кармана план Златогорска, быстро развернул его, положил на стол и стал водить по нем спичкой, шепча что-то и заглядывая в свою записную книжку.

Но какой-то перелом произошел. Где-то зримо утвердилось победа изобретателя. Несчастье упало с него с быстротой платя с плеч трансформатора. Он стал спокойнее. Он выпрямился, его голос стал увереннее, и властные нотки зазвучали в нем. Он занимал без боя, точно в уличной борьбе, угол га углом. Не прошло и двух-трех минут, как он — уже с жестами равного собеседника — говорил, даже приподнимая плечи от удивления перед непонятливостью своих собеседников:

— Ну, чем вы рискуете? Не понимаю! Вы можете меня под любым конвоем отправить в Златогорск. Все мои огнетушители могут быть готовы через две недели. Вы можете меня держать в Златогорске под неусыпным наблюдением. Мне нужно только расставить в домах мои огнетушители, и потом пусть Струк, и сам дьявол жгут, как хотят, дома. Пускай поджигают всеми средствами — гореть не будет! Если при моем огнетушителе будет хотя бы один пожар, — расстреляйте меня! Пожалуйста! Высшая мера социальной защиты! Ничего не имею против.

И Желатинов молодежато, даже чуть-чуть подпрыгивая, прошелся по комнате.

II.

Конечно, можно было все сделать без шума. Но это не удалось. Приезд Желатинова в Златогорск был замечен. Его встретили на вокзале. Берлога попытался получить у него интервью. Его окружили вниманием и почетом, имевшим, может быть, целью помешать в чем-либо. И, по-видимому, Желатинов это понял. Grimасы любезности, предупредительности и вежливости опять закрыли его лицо непроницаемой путаницей. Он кивал головой, произносил невнятные слова, но думал об огнетушителях. Они прибывали в Златогорск небольшими частями, — на этом настаивал Желатинов, — и он немедленно расставлял их сначала по наиболее ценным в важном учреждении Златогорска, а затем по обыкновенным жилищам.

Приблизительно с этого времени в Златогорске и начало наблюдаться странное явление: кто бы вечером ни подходил к окну — он пожаров больше не видел. Даже если выходили на улицу и смотрели в обе стороны, то и в этом случае пожары не бросались в глаза. За городом тоже не видно было полыхавшего над Златогорском пламени. Всем даже до некоторой степени стало не по себе. Наступила та скука, какую тайно ощущает в себе человек, когда тревожное событие внезапно сменяется порядком и тишиной.

Все были точно смущены чем-то. Куковеров подходил к окну своего номера в гостинице, смотрел внимательно и разводил руками от глубокого удивления: пожаров не было. Берлога, освобожденный из сумасшедшего дома, бегал по всему городу, стараясь найти хоть какой-нибудь пожар. Просто даже неудобно было: в хронике газеты было все, что угодно, кроме пожаров. Пожаромания заметно овладевала Берлогой, его товарищи в связи с этим уже серьезно подумывали о психиатрической лечебнице для перутомившегося Берлоги. Старик Струк внезапно умер, успев, однако, написать путаное завещание с целым рядом совершенно непонятных пара-

графов. Дина Каменецкая поступила на службу в качестве машинистки и с первой же недели подняла, как говорят сейчас, бузу из-за спецодежды. Учитель Горбачев, с лица которого в уголовном розыске так ловко стянули бороду, уединился и стал отпускать бороду по-настоящему. Какую цель он преследовал этой мерой, конечно, неизвестно было, так как прошлое у него было, несомненно, темное, но ясно, что делал он это для усиленной самозащиты. Корт, ездивший в Москву и вернувшийся в Златогорск вместе с Куковеровым, выписал научно-технический журнал "Хочу все знать", чтобы там прочесть что-либо о новых изобретениях советских изобретателей и, в частности, об изобретении Желатинова. Читал он много и добросовестно, журнал получал аккуратно, но об огнетушителях Желатинова ничего не было. Как хороший читатель, он послал в редакцию запрос, почему ничего не напечатано о таком ценном изобретении, на что получил ответ не от журнала, а от ассоциации советских изобретателей, куда корректная редакция "Хочу все знать" переслала без замедления запрос своего читателя. Ассоциация ответила Карту, что изобретение Желатинова еще находится в разных инстанциях, от которых зависит введение огнетушителей в жизнь. Ассоциация в конце письма выражала уверенность, что, вероятно, через год-два судьба изобретения уже будет известна. Корт прочитал это письмо, задумался, пожал плечами и махнул рукой. Человек он был маленький, и ничего больше сделать не мог.

В сравнительно короткое время огнетушители системы Желатинова появились во всех домах Златогорска и даже на пароходах. Когда стало ясно, что Желатинову в Златогорске больше делать нечего, Куковеров как-то приехал к нему, чтобы намекнуть, что он может не задерживаться и вернуться в Москву — почему-то Куковеров об этом очень заботился.

Но Желатинов и сам собирался это сделать, причем его творческая выдумка и здесь нашла себе достойное применение.

В Златогорске, как известно, находится огромная ватная фабрика. Войдя в тесный деловой контакт с красным директором этой фабрики, Желатинов сумел получить сделанные по особому заказу рыхлые ватные квадраты. При помощи этого недорогостоящего материала и тонко вибрирующих спиралей, опускающихся во фтористо-водородную и еще другие — восьми сортов — кислоты, Желатинов изобрел изумительный аппарат, который, несомненно, станет настольной принадлежностью большинства советских учреждений: неслыханный аппарат механически сокращал штаты. В основу его была заложена конструкция обыкновенного арифмометра, в котором, однако, был сделан изви-

листый вырез, через который в процессе работы аппарата проходили списки личного состава.

Это свое второе, не менее важное и полезное изобретение Желатинов отвез тоже в редакцию.

Изобретатель, уже более уверенный, менее смущающийся, значительно пополневший и выровнявший на лице своем все морщины и впадины, в которых, как сумерки в долинах, стояла настороженная вынужденная вежливость, более спокойно предложил секретарю первую пробу нового изобретения произвести на персонажах коллективного романа "Большие пожары".

— Я нахожу, — сказал он между прочим, — что штаты персонажей вашего несомненно интересного романа необычайно разрослись. Это вполне понятно. Это обычное явление. И в этом нет беды — мой аппарат совершенно безболезненно сократит нужное количество героев этого предприятия...

При испытании огнетушителя Желатинова в редакции требовалось, как помнит читатель, редакцию поджечь, от чего секретарь отказался. Для испробования второго изобретения Желатинова никаких жертв не требовалось, и секретарь, разумеется, согласился.

Составив наскоро список персонажей романа, Желатинов сунул его в извилистую щель. Аппарат тихо застучал, издавая плачущие звуки и чуть-чуть побрызгивая по сторонам кислотой. Минут через двадцать из другого конца гениального аппарата выполз помятый и смоченный кислотами список, на котором, однако, четко видно было, кто сокращен из числа действующих лиц романа.

Правда, аппарат был еще далеко не усовершенствован — несомненно, что квалификация его работы поднимется по мере совершенствования. Но пока было все же сокращено за ненадобностью довольно большое количество народу: сокращена была Дина Каменецкая, служащие редакции, Берлога и его приятель, вся пожарная команда Златогорска, ни разу не упоминавшаяся в романе, несмотря на то, что в каждой главе было не меньше одного пожара, — значит, она была явно бесполезна; сокращен был также учитель Горбачев, неизвестно для чего носивший приставную бороду и пробовавший запустить новую, настоящую, Корт и многие другие.

К сожалению, аппарат, как видит читатель, сокращал главным образом маленьких работников, начиная с машинистки. Но такова уж, по-видимому, психология всякого сокращения. Так сокращают люди, так сокращают и машины.

Глава XXV и последняя. Прибыли и убытки



Михаил Кольцов

Комиссия для выяснения настоящих корней и причин златогорских пожаров прибыла из Москвы, как водится, с большим опозданием. Члены комиссии высадились на Златогорском вокзале во вторник, а накануне, в ночь на воскресенье, в городе отшумел последний пожар — сгорел диковинный и замечательный особняк Струка.

Загадочного в этом заключительном бедствии ничего не было. Да и бедствием гибель Струковой постройки от огня никто из горожан не считал. Радостно, именнно, как о празднике избавления, рассказывали друг другу златогорцы подробности субботней ночи в белом доме с загнипнотизированными змеями знаменитой ограды. Разговора о бабочках не было, а если и был, то совсем не о тех бархатистых, желтого цвета с синей каймой, какие полыхали по Златогорску во все время печатания коллективного романа, вызывая в самых спокойных людях зловещие позывы к бегству и крикам.

Особняк после неожиданной смерти Струка был сдан Откомхозу в аренду, и взяли его сообща, для поправления дел своих, два человека с репутациями чернее ваксы — известные читателю нэпачи — Пантелеймон Иванович Кулаков и Соломон Абрамович Прейтман.

К особняку привесили большую полотняную вывеску:

Семейное казино
"ЭЛИТА"
Общедоступная рулетка!
Различные американские салонные
игры.
Железка!
Стуколка!
ЛОТО!
Шмен де фер и баккара!
Первоклассная кухня под управлением бывшего
повара бывшего преосвященного Авессалома,
бывшего архиепископа Златогорского.
ПИВОУ РАКИ!
Просим лично убедиться!

Львиная доля доходов с казино по договору отходила в пользу Деткомиссии. Но доходов никаких не было. У дома была худая слава, туда боялись ходить. Редкие златогорцы, если и ходили в казино предаваться излишествам, то больше у лотошки, переживая сильные ощущения на одной карте за двугривенный. В буфете спрашивали чай с лимоном покрепче, и только два раза самые отчаянные златогорские гуляки, придя с дамами, потребовали три порции битков по-казацки да бутылку наливки.

Почти каждый вечер оба компаньона сидели друг против друга среди снежной пустыни белых накрытых столиков в большом стеклянном павильоне, некогда, во второй главе, ослепившем скромного Берлога. Между ними, выпрямившись, как офицер, сидела сокращенная из романа Элита Струк. На стройных ногах свободно держались совсем уже разношенные туфли металлического цвета. Жемчуг герцогини беррийской, в свое время полученный впридачу к настоящим шелковым чулкам у старой дамы в Москве на Петровке, — еще держался, хотя жемчужины все были уже в туберкулезе, обнажившем их нежемчужное происхождение.

Элита должна была смотреть прямо перед собой, потому что всякий взгляд на правого или левого кавалера вызывал бешенство у другого. Каждый из влюбленных, совсем ополоумевший от коньяка и убытков, готов был растерзать кинокрасавицу за малейшее предпочтение другому. Она пила в равной доле со обоими поклонниками, все время грозно молчала, и только нюхнув белого порошку из маленькой трубочки, начинала нести длинную канитель о каких-то не признававших ее талантов московских режиссерах.

Несчастье случилось поздней ночью, когда Пантелеймон Кулаков, придравшись к тому, что Элита якобы чокается больше с Соломоном Прейтманом, чем с ним, опрокинул напитки, поджог в дикой сибирской ярости скатерти и занавесы, пламя которых в минуту было разнесено и раздуто пронзительными сквозняками чудовищной постройки.

Так сгорел особняк, и Элита уехала в жестком вагоне искать в Москве новых побед, и разоренные нэпачи с разбитыми женщиной сердцами сели в тюрьму за невыплаченные налоги и, идя с лопатами на принудительные работы, слышали сзади себя специальную частушку златогорских ребятишек:

Бабочки да рюмочки
Доведут до сумочки.

Как видит читатель, последняя вспышка версии о бабочках, как виновницах пожаров, давала вопросу совсем другое смысловое освещение.

В точности неизвестно было, от кого именно приехала московская комиссия. Вид у нее был не особенно грозный, а, скорее, задумчиво-психологический. Председатель — маленький человек, бритый, взерошенный, в клетчатом костюме — выслушивал всех людей с очень одобрительным видом, почему-то громко хохоча почти после каждой фразы. Второй член комиссии, с рыжей бородой и с веснушками, обсыпавшими всего его вплоть до рук, с крепкой бычьей шеей, слушал рассеянно и нетерпеливо, расстегивал посреди заседания толстовку и свирепо скреб ногтями широкую волосатую грудь, затем незаметно уходил, якобы на минутку, а очутившись на улице, мчался к морю, одним взмахом снимал с себя все верхнее платье, обнаруживал никогда не сменяемые трусики, почему-то подвязанные широким кожаным ремнем, и блаженно бултыхался о воду, причем борода его издали казалась плывущей по реке мочалкой. Третий — высокий, сухопарый, лысый, в синих военных галифе — называл всех без исключения посетителей "мал-ладой че-ловек" и расспрашивал почему-то преимущественно о постановке рыболовного дела в Златогорске.

Видимо, все-таки учув подлинные задачи и цели комиссии, златогорцы, целыми сотнями приходившие для дачи добровольных показаний, указывали в своих обвинениях и претензиях на множество лиц, до сих пор не появлявшихся в романе как герои, хотя и широко известных публике.

Целый ряд жалобщиков обращал внимание расследователей на историю возникновения первого крупного пожара — в губернском суде, определенно указывая на его вдохновителя. Запрошенный в связи с этим проживающий в Крыму член профсоюза печатников Александр Степанович Грин письменно показал, что хотя им действительно был учинен в первой главе коллективного романа пожар в суде, но не его, Грина, вина в том, что этот пожар географически состоялся в советском городе Златогорске, а не в некотором безымянном городе за границей, как это было предложено в рукописи Грина. Сверка документов, действительно, подтвердила, что А.С. Грином действие первой главы было указано не в СССР, и даже первые герои романа — делопроизводитель Варвий Мигунов и репортер Берлога — первоначально, по Грину, именовались "архивариус Варвий Гизель" и "репортер Вакельберг".

Женщины жаловались преимущественно на Льва Никулина. Привод в Златогорск обольстительной красавицы Элиты, взбаломутившей всех,

даже самых скромных мужчин города, расценивался ими как общественно безнравственный акт:

— Хорошо еще, товарищ председатель, что Лидин, Владимир Германович, ее, вертхивостку паршивую, на чистую воду вывел, показал, что никакая она не Элита, а самая что ни на есть последняя Дина Каменецкая, даже сейчас в Посредрабисе на учете не состоит! Ведь это что же такое — подобную публику в роман напускать!

Претензии на контрабандную, через роман, доставку в Златогорск не-трудового и контрреволюционного элемента касались также Бабеля.

— В один присест он и бывшего барона Менгдена, и бывшую княгиню Абамелек-Лазареву, и бывшего генерала Духовского привез! Сидят они, наш советский хлеб едят, по-французски разговаривают! Какого, спрашивается, рожна?

Посетители трудового облика обращали внимание на несправедливости и жестокости, учиненные рядом лиц в отношении шести пролетарских героев, зарегистрированных в романе товарищем Юрием Либединским.

В самом деле, всем шестерым пришлось плохо. Комсомолец Ваня Фомичев, стойко выдержавший ряд тяжелых испытаний, из которых едва ли не самым мучительным был роман с нэпманской дочкой, был, в конце концов, подвергнут мучительной смерти через растерзание обитателями сумасшедшего дома.

Андрюша Варнавин, показанный его творцом как хороший в сущности парень, был безжалостно брошен в темную среду уголовных преступников, а оттуда — за решетку, где пробыл без движения почти до конца всей пожарной завирушки.

Дядя Клим, выдвинутый Либединским на выдающуюся роль, пожал судьбу многих рабочих выдвиженцев, затиснутых бюрократизмом, непониманием и косностью. Его превосходные возможности не были использованы, и только В. Каверин, в поисках пары крепких мозолистых рук, могущих связать преступника, мобилизовал дядю Клима для ничтожной роли, которую мог бы исполнить любой милиционер, дворник или просто безымянный прохожий.

Больше всего негодовали трудящиеся на Михаила Слонимского, единого росчерком пера оставившего Златогорск без председателя исполкома и редактора местной газеты, куда-то невероятно и загадочно исчезнувших.

Но хороши и последующие авторы! Пальцем о палец не ударили, что-

бы спешно вернуть в осиротевший город представителя власти и руководителя общественного мнения!

Нечего и говорить, насколько было велико возмущение всех посещавших комиссию против авторов, связанных с отдельными пожарами в разных частях города.

Стругалевская беднота негодовала на Георгия Никифорова с его "молодым ярко-рыжим конем", тем, что так "фыркал, ржал и злился он, испытывая длинными зубами крепость дерева", тем, "что рвал, кричал восторженно и злобно, швыряя горящие доски в густое сентябрьское небо". Много домов на Стругалевке было не застраховано, и Никифоровский конь вышел стругалевцам боком.

Рабкоры негодовали на Николая Ляшко, возмущаясь его легкомысленным поведением:

— А еще свой, пролетарский писатель! Чуть завод не спалил, и рабочий поселок в придачу. Хорошо еще, что вовремя образумился, потушил. Выдумывают тут всякие вещи, а вас не спросили!

Тихие служащие пришли поговорить об Александре Яковлеве. Зачем это ему понравилось поджечь дом на углу Шоссейной улицы и Крутого тупика? Что, другого места не нашел? И, к тому же, со стрельбой! С милицией, с карабинами, с велосипедами, с червячками!

А Борис Лавренев! Ему сердобольные люди не могли простить мучительной смерти Ленки-Вздых, живым факелом сгоревшей в тюремной камере. Многие граждане ставили Лавреневу в пример деликатную заботливость Конст. Федина, предусмотрительно обившего асбестовым картоном местоположение Элиты Струк в Добре.

А Каверин, подкинувший к обугленным развалинам еще целых двадцать пять свежесгоревших домов!

А Новиков-Прибой, с его жуткой огненной кутерьмой в порту! Ведь при чтении его — сердце падает в ледник, и в глазах от страха муть!

Златогорцы относились терпимо только к Березовскому, Зоценко и Вере Инбер. У первого герои тихонько сошлись, выпили, закусили, и так же тихонько разошлись. У второго — скромные герои труда, пожарные, делают свое дело и некоторым образом косвенно содействуют получению таинственного, неуловимого, загадочного дела № 1057. Правда, находка таинственной пачки бумаг ничего не объяснила, ибо дело № 1057 оказалось, после внимательного прочтения его, никакого отношения к нынешним златогорским пожарам не имеющим. Но приятно и утешительно, что дело все-таки нашлось. У Веры Инбер пущено на пол-

тора квартала густого дыму. Но дым оказался без огня, и на том спасибо. Одним пожаром меньше — одним волнением и сердцебиением меньше!

Зато что сказать о ненасытном Н. Огневе, которому всех пожаров оказалось мало, и он в придачу пороховые погреба взорвал?!

Посетители приходили часто и помногу, они иногда окружали стол комиссии густым кольцом и оглашали воздух нестройными жалобами, доводя суету до такой степени, что член комиссии с бычьей шеей начинал сморкаться, как верблюд, а другой, в синих галифе, вспыльчивый, в раздражении лазил в задний карман, где у него шесть лет назад, в гражданскую войну, был револьвер.

Посетители перебивали друг друга.

— К чему эти разговоры о пожарах и взрывах? Ведь ничего подобного на самом деле нет!

— И не бывает! Не может быть!

— Какие там белогвардейцы?! Какие иностранные шпионы?! Литераторам нашим делать нечего, вот и мерещатся им разные ужасы! Только зря вас беспокоят.

Обыватели не на шутку сердились. Среди них были представители разных людских категорий и групп. Стояли посреди комнаты и стучали о землю палками черного дерева с резными набалдашниками упитанные коммерсанты. Нервничали солидные спецы в технических фуражках и с портфелями. Визжали бледные девушки студенческого вида. Волновались партийные работники, некогда подвижные и громокипящие, а ныне обросшие квартирами, мягкой мебелью, толстыми мещанистыми женами, роялями и канарейками.

Все они уже давно обрели вкус к жизни мирной и безмятежной, не восколеблемой никакими настоящими потрясениями. Спецы тихо полнели, рыхло сидя над планами заготовки китового уса на ближайшие пятьдесят лет. Бледные девушки отказывались от всяких потрясений, кроме квартирных склок и абортгов. Разленившиеся советские работники допускали жизненные сюрпризы только в виде адресов в кожаных папках от подчиненных. И всем им была невыносима самая мысль о событиях резких и необычных, могущих нарушить их уже налаженный затвердевающий покой.

Председатель комиссии, веселый и добродушный, сначала слушал все жалобы и брюзжания безропотно. Но понемногу и он стал выходить из себя. Медленно накапливалось его терпение, и, наконец, прорвалось. Он незаметно для себя встал, начал громко отвечать собравшимся, и громад-

ные, не по росту, очки его запрыгали на переносице, и голос его, басистый, с хрипотцой голос молодого, но выдавшего виды и покричавшего на своем веку человека гремел на всю комнату.

— Так вы, уважаемые граждане и товарищи, недовольны? Вам причинили беспокойство? Вас потревожили? Нарушали ваш покой! Вы, можно сказать, только расположились отдыхать, только кругом вас затихли ветерки, замолкли птичек хоры и прилегли стада... а в это время вас ерошат какими-то там пожарами, взрывами, злыми кознями международного капитала, всем тем, о чем вы успели забыть, что вы вспоминать не хотите? И, главное, — кто! Безответственные литераторы, советские сочинители, всяческие Бабели и Либединские грозят покушениями, иностранной террористической техникой и прочей ерундой.

В самом деле, стоит ли время терять на разговоры о взрывах и пожарах, если есть у вас настоящие заботы — о мебели, о налогах, о поездках на курорт!

Но если вы не хотите верить литературным выдумщикам, если до вас не дошла искренняя и чуткая тревога этих всегда беспокойных людей — теперь пусть вас обухом по голове бьют газеты!

Из телеграмм и правительственных сообщений, — от них нельзя вам спрятать голову под подушку, как от писательского вымысла! — из газетных твердых строк вы не знаете разве, что рано еще почивать на лаврах безопасности трудящемуся в Советской стране?! Рано думать, что уже отшумели великие грозы революции, что уже совсем потухли большие пожары! Тянется к нам враг, настойчивыми, длинными, цепкими, умелыми своими руками подбирается он к каждому заводу, к каждому дому.

Живого Струка и живого человека в прорезиненном пальто с рубцом на правом ухе — физически не было и нет, как нет и не существуете физически вы, капризные, омецанившиеся, разленившиеся, распустившиеся, в носу ковыряющие жители выдуманного города Златогорска. Всего этого нет. Но есть четкие, жгущие слова советской власти о том, что есть, что не выдумано, что грозит без всяких вымыслов:

"Одновременно в разных местах Союза обнаружены поджоги фабрик, заводов, военных складов. Были обнаружены отдельные случаи порчи фабрично-заводского оборудования, причем обследование устанавливает сознательную злую волю... Совершенно очевидно, что правительство Великобритании, быстрым темпом ведущее подготовку войны против СССР, всеми мерами и всеми средствами стремится нарушить мирный труд рабочих и крестьян нашего государства!"

— Вы видите? Значит — Струка нет, но он может появиться в любом

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

городе, в любую минуту, если мы будем зевать над безопасностью и спокойствием в нашей стране! Вам, может быть, казалась странной, ненужной, излишней глава в романе, где Александр Аросев рассказывал о загадочном путешественнике с паспортом голландца Струка на финляндской границе? Это был художественный вымысел. А разве сегодня не говорит сама жизнь словами официальной сводки о капитане британской королевской авиации Сиднее Георге Рейльи, нелегально перешедшем финляндскую границу нашей страны с фальшивым паспортом на имя купца Штейнберга?! Рядом с вымыслом — настоящие факты, от которых нельзя вам отвернуться!

И писатели в журналах, и телеграммы в газетах зовут не к панике, — позор тому, кто теряет голову и пускается по волнам трусливых сплетен и слухов! Но каждый из вас, если он не Струк, должен запомнить и спокойно, без паники, исполнить обращенные к нему слова:

"Правительство призывает все трудящееся население Союза ответить на бешеные усилия врагов рабочего класса и крестьянства повышением трудовой активности и исключительным сплочением своих рядов.

Правительство призывает всех честных тружеников страны к еще более энергичной работе по строительству социализма и к еще более энергичной работе по укреплению обороноспособности страны.

Правительство обращается к рабочему классу с призывом охранять фабрики, заводы, склады, станции, охранять все то, что выстроено и создано трудящимися, одержавшими в вашей стране победу над помещиками и капиталистами".

Где же основания к мещанской спячке? Где причины к ленивому отрицанию самой возможности новых нападений в вмешательств в мирную спокойную жизнь нашей страны?!

Председатель оглядел все сборище, немножко остыл, почти про себя улыбнулся, и добавил уже совсем простым, деловым тоном:

— Объявляю работу ликвидационной комиссии по роману "Большие пожары" законченной. Всех героев романа, а равно население города Златогорска считаю распущенными. Самый Златогорск, за минованием надобности, упраздняю. Продолжение событий — читайте в газетах, ищите в жизни! Не отрывайтесь от нее! Не спите! "Большие пожары" позади, великие пожары — впереди.

Татьяна ЩУРОВА
"Граждане и товарищи"278
